

Научно-издательский центр «Социосфера»
Витебский государственный медицинский университет
Пензенская государственная технологическая академия
Информационный центр «МЦФЭР Ресурсы образования»

**ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА, ЛИЧНОСТЬ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО
ЗНАНИЯ**

Материалы II международной научно-практической
конференции 5–6 февраля 2012 года

Пенза – Витебск
2012

УДК 316.32+008+159.922
ББК 60.05
О 28

О 28 Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания: материалы II международной научно-практической конференции 5–6 февраля 2012 года. – Пенза – Витебск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 119 с.

Редакционная коллегия:

Девярых Сергей Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Витебского государственного медицинского университета.

Дорошин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии.

Дорошина Илона Геннадьевна, кандидат психологических наук, доцент, генеральный директор ООО НИЦ «Социосфера».

Ивановска Божена, магистр, докторант Института философии и социологии Польской академии наук.

В сборнике представлены научные статьи преподавателей вузов, соискателей и аспирантов, отражающие актуальное состояние исследований общества, проблемы семьи, управления и общественного развития. Рассматриваются вопросы эстетики и права, профессиональной культуры, дегуманизации как оборотной стороны научно-технического прогресса, социальной медицины, педагогики и психологии.

ISBN 978-5-91990-056-6

УДК 316.32+008+159.922
ББК 60.05

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2012.
© Коллектив авторов, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЩЕСТВО: ЕДИНСТВО СТРУКТУРНОГО И ДИНАМИЧЕСКОГО

Glińska U.

Collective or individual?

Emilé Durkheim's and Max Weber's approaches to religion.

The comparison of their scientific visions of the social 6

Сайфутдинова Г. Б., Калинина И. В.

Краткий анализ работы М. Вебера

«Протестантская этика и дух капитализма»17

Кукарников Д. Г., Струков Е. В.

«Негативная диалектика» и социальная реальность 18

Сажиенко Е. В., Ямщиков С. В.

Эволюция управления: мегаисторический аспект21

Мамедова М. Д.

«Клан» как типичная традиционная семья в Туркменистане 24

Сафина Э. Р., Сайфутдинова Г. Б.

Русская революция в оценке Н. А. Бердяева30

Гайдай М. А.

Креативный класс как основа развития российского общества31

Бокарева В. Б.

Социальная технологизация

вырабатывания мотивации субъектов малого бизнеса

на повышение эффективности деятельности 33

II. КУЛЬТУРА: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Шахгусейнова С. А.

Эстетическая культура –

результат социальной эволюции общества 35

Sozashvili N.

Problems of an epic historicism38

Гусейнова Ш. М.

Диалог как средство раскрытия характера

(по произведениям Абульгасана) 43

Володина О. В.

Культурологическая направленность концепции гуманизма 46

Тимощенко А. В. Актуализация философии всеединства в контексте дегуманизации и потери нравственных ценностей в современном обществе.....	48
Фаезова Р. И., Сайфутдинова Г. Б. Краткий анализ работы Ф. Ницше «О пользе и вреде истории для жизни»	54
Страданченков А. С. Римско-византийское законодательство как культурный феномен	55
Страданченков А. С. Рецепция римско-византийского законодательства на российской почве как культурологическое явление	64
Мясоедов А. М. К вопросу о соотношении понятий «профессиональная культура» и «профессиональная субкультура»	69
Ушакова Н. В. Влияние социального видеоряда на игру дошкольников	72
Ярыгин С. В. Предпосылки применения специализированных компьютерных игр в психологии	75
Девярых С. Ю. Легитимизация добрачной сексуальности как фактор половой социализации молодёжи	76

III. ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ, КУЛЬТУРНЫХ И ПРИРОДНЫХ ФАКТОРОВ

Перевалова А. Г. Становление личности в социальной реальности	80
Сергеева А. Д. Социальные способности личности в социокультурной действительности: реальное и возможное.....	82
Тазетдинова Р. Р. К проблеме театральности и одиночества в самоидентификации человека в культуре	84
Асаийеш А. Г. Социально-психологические особенности личности в творчестве Саади Ширази.....	88

Юльяхшин М. М.	
Дегуманизация как обратная сторона научно-технического прогресса	91
Иноземцев Д. В.	
Факторы, влияющие на процесс психологического оценивания человека	94
Орлова Ю. А., Чечулина О. В.	
Медико-социальная оценка репродуктивного здоровья девочек-подростков	96
Козырева Е. В., Гросс А. А.	
Некоторые особенности протекания кризиса среднего возраста у мужчин и их роль в социокультурной действительности	99
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2012 году	105
Информация о журнале «Социосфера»	109
Издательские услуги НИЦ «Социосфера»	114
Пресс-релиз МЦФЭР	115

I. ОБЩЕСТВО: ЕДИНСТВО СТРУКТУРНОГО И ДИНАМИЧЕСКОГО

COLLECTIVE OR INDIVIDUAL? EMILÉ DURKHEIM'S AND MAX WEBER'S APPROACHES TO RELIGION. THE COMPARISON OF THEIR SCIENTIFIC VISIONS OF THE SOCIAL

U. Glińska
Białystok University of Technology,
Białystok, Poland

Summary. The paper concerns scientific visions upon religion – and so the society, community – of two of main masters of sociology: Emilé Durkheim and Max Weber. Both of them, as great thinkers and philosophers of the Enlightenment, are seen paradoxically – as its heirs as well as its transformers.

Both, as members of the first generation of sociologists, were scientists in fully sense of the word, who elaborated such core-concepts of the Enlightenment as: the power (role) of science (mainly sociology), rationalism, development and progress. They also faced problems of social change, or social complexity of modern societies in terms of individualism, integration, new sources of social order.

Since the Enlightenment ruptured with all irrationally- (magically-, intuitionally-, religiously-) oriented perspective, it seems to be intriguing to answer the question: how it was possible that in the age in which the apology of ratio, and the science were so strong, the religion – the realm irrational in its essence – was located in Durkheim's and Weber's works as the domain idea that would influence social life. How it was possible that religion could organize the society rather than disorganize it?

The paper, by presenting the main ideas of Durkheim's and Weber's work, and then throughout their individual approaches to religion, attempts to answer the question how the religion was interpreted and what role it played in society in each of mentioned conceptions?

One more intellectual (anthropological) axis of reflections put in the paper, and it was Clifford Geertz's conception of the religion as a cultural system. However, created a century later, it seems to be accurately corresponding to presented views.

Key words: religion; the social; society; community; social change; modern society; the Enlightenment; secularization.

1. Introduction

The central point of the Enlightenment – the epoch that aroused in Europe in a fully form in 18th and 19th century – under no doubts, was the **power of science**. The science – as a new realm of human life and in contrary to the epoch of Middle Ages – aimed “to liberate human kind from material wants, from illusions that mired [people] in fear and ignorance”. Science was imagined and strongly believed as “a vehicle of human progress” [Seidman 1989, p. 55]. The idea of **progress** therefore was mainly understood in terms of technical and scientific development as well as but also as a social and moral complexity. In result, it declared

strong dismissal of any irrationality. The Enlightenment stood out against traditionally interpreted religion and what is more, “a religiosity based, hierarchical, and elite-governed society (...), struggled for a secular culture that was tolerant of diverse beliefs, values and society that expanded individual liberties, social equality, and political democracy” [Seidman 1989, p. 55].

In result, another core-value of the new epoch appeared – it was **individualism**. Since the Enlightenment ruptured with traditional interpretation of social reality that confirmed universal and collective-oriented explanation of the social, simultaneously released man from group-dominated shackles, giving him real freedom and putting “the individual at the heart of society” [Seidman 1989, p. 56]. Any more than it was before, a group or collective power (social class, family, tribe) influenced individual so strong.

Natural result of the trend was **differentiation**. It grew on the field of all these changes, inspired by individualism and freedom, ended up with the new modern society: heterogeneous, capitalistic, where individualism was its hallmark and “allowed individuals to fashion a life according to their personal preferences and values” [Seidman 1989, p. 55]. It was exactly what the Enlighteners envisioned: “**a freer, more open, and dynamic society**” [Seidman 1989, p. 55].

On the other hand, however, almost all Occidental countries (in which the main reflection of the paper is located) struggled with social disorder in that time – named as “revolutionary order” [Ray 1999, p. 86]. Social crisis – caused by social, political (French Revolution, American Civil War) and technical revolutions (England) which implied almost all countries, covered the whole Europe that time. Western societies glorified and longed for freedom and cultural pluralism but in the same time were trying to manage in new, extraordinarily dynamic social and political circumstances. In this context, problem of **morality, social order** aroused soundly and started playing important scientific, role.

In this specific ambience the works of Emilé Durkheim and Max Weber were constructed and it would be strong ignorance to avoid its influence. Both of them faced similar problems, that had a great – whereas different – impact on their works. Durkheim and Weber are broadly known from their achievements in the field of methodology, although their approaches to it strongly differ; the best known opposition between them is Emilé Durkheim’s reification of social facts and interpretative sociology by Max Weber. But apart from that, both of them are also famous for religion-oriented, although opposite, conceptions of the social which are the matter of the paper.

2. Among general similarities between Durkheim's and Weber's scientific perspectives

Emilé Durkheim and Max Weber are two from the greatest thinkers and philosophers of the Enlightenment, masters of sociology.

It is rather rarely that they are compared together, especially, throughout their intellectual similarities¹. Therefore, before the differences between them will be finally presented, let us concentrate on the plane of Durkheim's and Weber's similarities. With regard to the limits of the paper's volume, let me only enumerate what S. Seidman has precisely described in his work [Seidman 1989]:

- both were professional scientists (sociologists) in terms of being “the first generation of social thinkers [who] assumed chairs of sociology and wrote as sociologists”. Let us only mention that: Emilé Durkheim established the first European Chair of Sociology in Bordeaux, then he taught at Sorbonne and Max Weber taught at the Universities of Berlin, Fribourg, Vienna.
- both of them “understood sociology as a specialized discipline rather than as a general theory of humanity” [Seidman 1989, p. 57] – both were concentrated on developing a new discipline and were seeking for appropriate tools for solving real social problems;
- it was resulted in the fact that both were pioneers in sociological scientific research: both wrote research-oriented studies – Emilé Durkheim *Suicide* was the first study in which quantitative data was used as a relevant support for sociological (descriptive, qualitative) explanations, as well as in Max Weber *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Therefore, their works sound even today and have been having a great impact on generations of sociologists and “are still considered models of scientific sociology by many sociologists” [Seidman 1989, p. 57];
- although Emilé Durkheim and Max Weber were “convinced that social modernization promoted a liberal political society” [Seidman 1989, p. 71], both were against English-styled liberalism explained in terms of greed, competitiveness, egoism, blind pursuit for welfare and economical success with the money as an autotelic core value [Seidman 1989, p. 73]. Emilé Durkheim promoted social solidarity as the base of human relations, and in the works of Max Weber, egoism, competitiveness and welfare were “soften” as goals of religiously oriented human activity;
- both in their scientific works drew to religion as a social phenomenon, as a system deeply immersed in the social context, that is why both of them showed it “secularized” facet; both referred to the same confessions: Protestantism and Catholicism, however did in

¹ Usually Durkheim is said to be the heir of Spencer or Comte tradition, whereas Weber is often compared with Marx's works. See the bibliography included in the paper.

different manner, therefore the conclusions driven from their interpretations strongly differ;

- Durkheim's and Weber's religious-oriented scientific perspectives should be seen as natural and understandable but modified, responses on the modernity. Their reflections were evolved from a specific social and historical context (as from a kind of specific matrix) that was consisted of such categories like: the self, social order, social change, cohesion, moral development – as those seem to be the central ones. Emilé Durkheim and Max Weber put them as the key words of their great narrations of the Enlightenment.

Precise conclusion of Durkheim's and Weber's approaches gave S. Seidman, saying that they both “fully absorbed the concept of the social character of humanity. Against the conventional wisdom of their time, Durkheim and Weber insist on the social formation of the self and his or her embeddedness in institutions and webs of cultural meaning” [Seidman 1989, p. 85]. Differences lay in its interpretations: in Emilé Durkheim approach, “the individual [is] embedded in social institutions and emphasizes the importance of shared cultural beliefs and values as a condition of freedom and social unity”, whereas Max Weber reflections also emphasized the cultural construction of the self (“cultural formation of individualistic”) but this specific spirit was Protestantism as a “cultural phenomena” [Weber 1930/1992, p. 13] that engendered a specific economics system [Seidman 1989, p. 86].

In this light, the main problem of the paper: the social function of religion in Durkheim's and Weber's works – took appropriate perspective.

3. Religious “rethinking of individual”² – Emilé Durkheim approach

Emilé Durkheim is known as a functionalist, who imaged society as a one organically-joined system in which the social played the most important role. He was the author of the broadly known statement describing the nature of society as a reality *sui generis*. By this expression he proved that every single element of the social, every social fact is real and by its nature (genuineness), must be driven from society itself. In such a collectively-oriented work [Alexander 1989, p. 123; Ray 1999, p. 90], religion in his view played a crucial role; but, what is interesting, can be perceived throughout an individualistic perspective.

The starting point of Emilé Durkheim's analysis was the problem of **segmentation of social structure** that he observed by phenomena of **social morphology** (intrinsic condition of complexity of social relations, distances of social ties etc.). Facing the essence of modern societies: strongly inter-differentiated and freed, Durkheim observed that the individual who gained the independency, was released from any obliga-

² See: Seidman 1989, p. 64.

tions. In result, he might have lost the sense of social kins and – in the darkest scenario of anomic, unprincipled context – prone to suicidal disposition [Seidman 1989, p. 65]. In such a counter-factual context, when “moderns make the individual sacred [and] individualism [become] public religion” [Seidman 1989, p. 61], dangerous lack of social integration can be easily observed [Ray 1999, p. 101]³.

Inspired by traditional (primitive, integrated) communities, in opposition to which modernity was displayed as its antithesis [Seidman 1989, p. 60], Emilé Durkheim brought up the problem of **coherence**, which, in his opinion, lied in social morphology. The coherence was represented and could be “fulfilled” by **social solidarity**. According to Durkheim’s response to, what makes (primitive) societies socially coherent (unified) as a whole, was the solidarity with its “**religiously based common culture**” [Seidman 1989, p. 59]. “Common”, in this context, means **the same values and social attitude towards them shared by everybody** – that can be described in other words as a “symbolic representation” of an “unitary collective consciousness” [Ray 1999, p. 97, 107].

Thereby the remedy on modernistic irregularities and social incoherence, was the religion itself, understood as the “**religion of humanity**” – and perceived as its inevitable fact. According to Seidman’s accurate commentary, “Durkheim argued that, when intense group feelings are attached to an idea or object, and these feelings are articulated in shared beliefs and social practices, we are witnessing what is in the essence of religion” [Seidman 1989, p. 64]. So the religion was not the set of relatively stable symbols or continual habits but rather perceived as the mechanism (process) that leads people to unite in one community, one organism. “Despite the secularity of modernity, as evidence in the separation of the church and state and in the decline of Judeo-Christian dogma, it evolves its own **religion of humanity**” [Seidman 1989, p. 64].

In this light, Emilé Durkheim is seen to have interpreted **religion** that was **deeply secularized**: as a plane of social ideas, patterns of human activity, creating fertile field for morality and social integration, broadly known as an “organic/mechanical solidarity”. The climax of Durkheim’s analysis upon religion was the declaration that the society itself was the god – the heart of morality [Durkheim 1990, p. 38]: ‘hyper-spirituality’ [Lukes 1975, p. 234].

The matter of function of religion in Emilé Durkheim works is a phenomenon *par excellance* social [Szacki 1964]. Religion – with the kinship in its core [Ray 1999, p. 97] should be therefore assumed as a **mechanism which integrates all social relations** [Krasnodebski 1999; Tarkowska 1990]. But also can be interpreted as a kind of a total

³ Although, as Ray depicts, “the *decline* of religion in modern societies does not indicate social pathology, rather its generality confirms that is normal process” [Ray 1999, p. 92].

system – as the source as well as the source of control⁴ of every single action of human activity:

“Religion is a system interconnected beliefs and religious practices related to sacred matters what means – specific and forbidden, beliefs and practices that unify all believers into moral community called as a church” [Durkheim 1990, p. 41].

Emilé Durkheim idea was precisely reflected in Jeffrey Alexander commentary, who declared that social “order could be stable only if it were external in ontological sense” [Alexander 1989, p. 127], what was precisely explained in example of totem [Durkheim 1990; Ray 1999, p. 106–107] and also in the statement that “collective order would be accepted because it held to be sacred” [Alexander 1989, p. 136-137].

As we can see, Emilé Durkheim approach to religion was deeply originated from the social. It was both – its result and also its driving force that could integrate the whole community, guarantee its coherence and stability, and certainly confirm it. What is remarkable for Emilé Durkheim conception is the fact that religion is an ‘invisible’ but inevitable idea, a mechanism, a process that contributes social order.

4. Max Weber’s approach – religion as a cultural pattern

Max Weber essence of religion differs from Emilé Durkheim conception because seemed to be adequately reflected in the definition created by Clifford Geertz. Geertz describes religion as “A synopsis of cosmic order, a set of religious beliefs, (...) a gloss upon the mundane world of social relationships and psychological events. It render them graspable” [Geertz 1973, p. 124]. Geertz adds also that religious beliefs “(...) do not merely interpret social and psychological processes in cosmic terms – in which case they would be philosophical, not religious – but they shape them” [Geertz 1973, p. 124]. It seems that all that Max Weber investigated on the field of social development in relation to religion, was assumed in these words.

Max Weber is known as a one of the masters of sociology, who became famous for his reflection on Protestantism and its impacts on development of modern capitalism. But Weber analyzed also other religious systems, such as: Confucianism, Taoism, Islam, Catholicism, Judaism [Weber 1984] however, his approach to each of them was the same – as **to the system of common beliefs that influences human action, impacts on men’s life-style, generates specific attitudes towards life, and human kind – to the whole mundane world.** Max Weber proves that each of the religious system generates its own set

⁴ Foucault, Michel (1975). *Discipline and Punish: the Birth of the Prison*, New York: Random House.

of meanings, axioms, norms of human behavior that shape human life and attitude towards it. But only Protestantism, and Calvinism as its core, could create capitalism in Occidental 'manner' within western modern societies⁵. Protestant spirit denied English-styled liberalism (with its core values such as: naturally based competitiveness, hard work, greed [Seidman 1989, p. 73] and 'consisted' of such puritan's attitudes – assumed in the theology of predestination as the God's calling – like: self-discipline, restraint, value of work (hard-work), conspicuous consumption, prosperous business or career achievements; all those were clear examples of saved soul.

All above suggests that Max Weber's understanding of religion has deeply cultural meaning. But not only. Religion can be also interpreted as **the main source of change** that brings visible, rational consequences. According to example of Protestantism – its ethic resulted in the blossom of specific economically-oriented social activism – capitalism.

In the light of "**elective affinity**" [Ray 1999, p. 174]⁶ we can see, that religion was not only the set of symbols that brings specific meaning, creates the rituals consisted as the source of change influencing human development, the but religion was also interpreted as the mechanism creating rational patterns of human activity, specially on economical field. In this point, Weber's religiously-oriented perspective finds connection with his methodological work – in the **social action**. The social action, opposite to simple, impulsive and naturally-based human behavior, is deeply rational: is based on rational motives, and is always socially- (humanly-) oriented⁷. In result, in his view, the purpose of sociology – value-related and value-relative science [Ray 1999, p. 167] – was explicitly warded in the concept of *verstehen*⁸.

⁵ It is needed to be add, that Weber did not deny that capitalism could had been developed in other parts of world and so other religious systems could had influenced it, but implemented Protestant ethic was major factor of creating capitalism in modern sense. See: Krasnodębski, Z. 1999.

⁶ "Elective Affinity" is a term taken from chemistry that means mutual affection of at least two phenomena influencing one each other in unpredictable way [Ray 1989, p. 174]. As an example, usually is presented "alleged affinity between Calvinism and capitalism that while decisive for human development was the accidental confluence of two quite different processes – the emergence of commercialism and the Reformation" [Ray 1989, p. 174].

⁷ Weber interprets 'social action' as "behaviour to which subjective meaning is attached. It takes account of others and is thereby oriented in its course. Action is social when directed to the behaviour of others meaningfully (Weber [1913] 1987:4)" [Ray 1999, p. 168]. The aim of sociology as the science was to understand (*verstehen*) and interpret social actions.

⁸ Weber divided social actions into 4 types: (1) traditional action, (2) affective (or emotional) action, (3) value-oriented action, (4) goal-related action (Weber 2002), but anyway, "we can understand (*verstehen*) human social action by penetrating to the subjective meanings that actors attach to their own behavior and to the behavior of others" [Ray 1999, p. 167].

The concept of *understanding* then, in social science is also a crucial element for disputes on religion in Weber's works, when we do realize that protestant (puritan) ethics brought about **rationality** which then became a central attribute of modernity. Rationalism – inevitable step in developing process of modern societies, caused its transformation into bureaucracy – an ideal state of society – and was called by Max Weber as an “**iron cage**”. This term then was interpreted into two dimensions: as a state of mind and the shape of human activity. Rationalism in future perspective, resulted in “the disenchantment” of the world and was understood as “a loss of meaning in modern societies with the decline of integrated worldviews that in the past had been provided by religious and philosophical systems” [Ray 1999, p. 164]. But simultaneously, rationalism was the category and mechanism that brought back human religious activity. It was Protestantism indeed in which context its basic values became driving forces of capitalism – genuinely rational thinking.

In this context, let us capture one more conclusion that can be, unexpectedly, revealed from Max Weber work. Since we agree with L. J. Ray who makes Weber's approach to Protestantism more precise, in words that:

“In order to understand the thesis in the context of Weber's work one should see it as only one part of his account of the development of capitalism, which was complex and multidimensional (...)”,

and adds that:

“His account of the origin of *capitalism* referred to a complex interaction of social, economic and cultural factors, while the Protestant Ethic essays had the more limited objective of explaining the origin, not of capitalism *per se*, but the spirit of rational accumulation” [Ray 1999, p. 175],

should not we assume that religious values – presented in Weber's works – can drive into the self-dismissal? The response should be negative and opposite. “Rationalization”, Ray explains, is “originated in the decline of magic and taboo, which give way to the norms according to which certain actions were constructed as religious abomination” [Ray 1999, p. 186]. But abomination of religious activity that confirmed magical inconceivable order.

4. Conclusions

As a conclusion upon Max Weber and Emile Durkheim approaches to religion, let us quote Clifford Geertz words one more time: “(...) religion tunes human actions to an envisaged cosmic order and projects images of cosmic order onto the plane of human experiences” [Geertz 1973, p. 90].

Geertz's words seemed as if have been taken straightly from traditional (primitive, pre-industrial) communities, but it is nothing than misunderstanding. In both cases presented above: in Emilé Durkheim conception of the sacred in secularized approach to religion as the very prior source of any realm of human activity that was 'embodied' in society, as well as in Max Weber interpretation of religion as a source of meanings and social attitudes towards life resulted in religiously oriented, rational activity of individual, religion – deeply immersed in the realm of morality and social consciousness – reflects a kind of a cosmic order which is transferred into the plane of human experiences. The matter is, in what way the 'cosmic' is interpreted. Emilé Durkheim's work suggests rather external approach [Ray 1999, p. 93] in which 'cosmos' is evolved from 'the social', the society itself, and parallely to the religion – is immersed in the social. Therefore in result, accordingly to Durkheim conception, we can interpret that the cosmos is social *sui generis*. In Emilé Durkheim conception, society itself makes its own order that guarantees its integration, that is why the society becomes religious objectivity in a way that is observed through the individuals, and is again directed back towards them. Whereas Max Weber orientation presents scientific concentration on religion in more traditional, 'concrete' and 'substantial' way – throughout Protestantism that it is seen as a configuration of specific values (God's callings) displayed in its historical reality – as a confession that was immersed in a specific historical environment. It is also given by supernatural force – the God but it is a role of a man whose responsibility is to maintain it, and also the right to use it according to his subjective purposes, changing the world at the same time.

In this light, Durkheim's and Weber's interpretations of (the role) of religion remind scientific paths leading into two different directions: top-down and bottom-up. Emilé Durkheim conception seems to reflect the top-down pattern in which religion is given to the individual as a mechanism, an idea that guarantees him coherence with community, harmony, brings 'cosmos', and paradoxically – release him to the freedom. At the same time, the role of the individual is rather limited: he is expected to understand the order and implement its rules to everyday life. Weber's conception presents it in opposition – the role of religion in society can be described by the bottom-up path. In this vision, religion is a set of symbols and demands related to a man; it is also given him (from the God – an external force) but his role in the process is much more active than in Durkheim's view. Religion, in result – let us repeat it – according to Weber, is not the mechanism that confirms sacred cosmos (Durkheim's approach) but reflects in front of the human kind a broad plane for rational thinking and what is more, for wide range modification.

In this light, both, Durkheim's and Weber's approaches to religion – as a collective or individual manifestation of values – deeply differ, but seem to mirror Geertz's conception of religion as a cultural pat-

tern that finally buckles their ideas and allows to think of their visions as of complemented and continual conceptions.

The cultural concept of religion is defined by Clifford Geertz as: “(...) denot[ation] of a historically transmitted pattern of meaning embodied in symbols, a system of inherited conceptions expressed in symbolic forms by means of which men communicate, perpetuate, and develop their knowledge about and attitudes toward life” [Geertz 1973, p. 91]. Novelty and usefulness of Geertz’s idea is that he develops his conception explaining that religion ‘consists’ of cultural patterns that emerge from it as – called by Clifford Geertz – ‘models’. According to him, “(...) cultural patterns are “models”, that they are sets of symbols whose relations to one another “model” relations among entities, processes or what-have-you in physical, organic, social, or psychological systems by “paralleling”, “imitating”, or “simulating” them”. And then Clifford Geertz explains it in his next words that – in the context of Durkheim’s and Weber’s thoughts – seem to be essential: **“The term “model” has, however, two senses – an “of” sense and a “for” sense – and though these are but two aspects of the same basis concept (...)”** [Geertz 1973, p. 93]. Indeed, Durkheim’s scientific approach to the religion as the main source and prior realm of any social activity suggests interpreting it as ‘a model *of*’ – gaining an ideal (integrated, collaborated) societal rules emerged in the solidarity phenomenon. Whereas Weber’s ethic of Protestantism – confession (religion) – that also imposes on a men a set of duties (God’s calling) can be interpreted differently – as ‘a model *for*’ social change. Those two approaches of two greatest masters of sociology Emilé Durkheim and Max Weber, although remarkably differ, seem meet and complete each other as two aspects (models) of Clifford Geertz’s vision: “(...) cultural patterns have an intrinsic double aspect: they give meaning, that is, objective conceptual form, so social and psychological reality both by shaping themselves to it [what can suggests rather Durkheim’s conception] and by shaping it to themselves [that might relate to Weber’s vision]” [Geertz 1973, p. 93].

The response to the title’s question of the paper, weather Durkheim’s or Weber’s approaches to religion in society is rather collective or individual process, seems that both of them include those two aspects of the social in their visions. The difference matters in the proportion of it in each project. Both of them – Emilé Durkheim and Max Weber create their goals in stable and coherent relation between the individual and community, in which the religion plays crucial role, although propose diversified paths to reach it.

Apart from those analytical, hypothetically posed presumptions, let me finish the paper with long, but exceedingly accurate S. Seidman’s quotation summarizing Emilé Durkheim and Max Weber works:

“Their grand narratives of human history invariably began and ended in the West; scripted men as the primary actors; wrapped themselves in the mythic aura of science, marked out good and bad, evil and redemption, without ever owning their stories as moral tales. Today, we can appreciate that their faith in science, reason, individualism, progress, and the West were entangled in the making of modern (...), but also in producing powerful moral and political visions filled with social hope for better world” [Seidman 1989, p. 88-89].

Bibliography

1. Alexander, J. C. 1989. *Structure and Meaning: Rethinking Classical Sociology*. New York: Columbia University Press.
2. Durkheim, E. 1990. *Elementarne formy życia religijnego. System totemiczny Australii*. (Tarkowska E., Trans.). Warszawa: WN PWN.
3. Durkheim, E. 1999. *O podziale pracy społecznej*. (Tarkowska E., Trans.). Warszawa: WN PWN.
4. Fabiś, P. 2008. *Emile Durkheim jako teoretyk kultury*, Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.
5. Foucault, M. 1975. *Discipline and Punish: the Birth of the Prison*, New York: Random House.
6. Geertz, C. 1973. *The Interpretations of Cultures*, New York: Basic Books.
7. Geertz, C. 2000. *Dzieło i życie. Antropolog jako autor*. (Works and Lives 1988). Warszawa: Wydawnictwo KR.
8. Geertz, C. 2003. *Zastane światło. Antropologiczne refleksje na tematy filozoficzne*. (Available Light 2000). Kraków: Wyd. Universitas.
9. Geertz, C. 2005. *Wiedza lokalna. Dalsze eseje z zakresu antropologii interpretatywnej*. (Local Knowledge 1983). Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
10. Geertz, C. 2010. *Po fakcie. Dwa kraje, cztery dekady, jeden antropolog*, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, (After the Fact: Two Countries, Four Decades, One Anthropologist 1995).
11. Krasnodębski, Z. 1999. *Max Weber*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
12. Lukes, S. 1975. *Emile Durkheim. His Life and Work. A Historical and Critical Study*. Harmondsworth: Penguin.
13. Ray, L. J. 1999. *Theorizing Classical Sociology*. Buckingham-Philadelphia: Open University Press.
14. Seidman, S. 1989. *Contested Knowledge. Social Theory in the Postmodern Era*. 2nd edition, Malader, Massachusetts and Oxford. UK: Blackwell.
15. Szacki, J. 1964. *Durkheim*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
16. Szacki, J. 2008. *Historia myśli socjologicznej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
17. Weber, M. 1984. *Szkice z socjologii religii*, (Prokopiuk J., Wandowski H., Trans.). Warszawa: Książka i Wiedza (2nd edition – 1995).
18. Weber, M. 1989. *Polityka jako zawód i powołanie*, Egel P., Wander M., Trans.), Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza.
19. Weber, M. 1992. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* (Parsons T., Trans.). London and New York: Routledge (original work was published in 1930).
20. Weber, M. 2000. *Socjologia religii. Dzieła zebrane. Etyka gospodarcza religii światowych*. Kraków: Nomos.

21. Weber, M. 2002. Gospodarka i społeczeństwo. Zarys socjologii rozumiejącej. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
22. Weber, M. 2002. Gospodarka i społeczeństwo. Zarys socjologii rozumiejącej, (Dorota Lachowska D. Trans.), Warszawa: PWN.
23. Weber, M. 2004. Racjonalność, władza, odczarowanie, Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

КРАТКИЙ АНАЛИЗ РАБОТЫ М. ВЕБЕРА «ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЭТИКА И ДУХ КАПИТАЛИЗМА»

Г. Б. Сайфутдинова, И. В. Калинина
Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. Weber (1884–1920) – a prominent German sociologist. One of his main work is "The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism", in the course of which Weber wrote a comparative analysis of the most significant religious and analyzed the interaction of economic conditions, social factors and religious beliefs of his time.

Key words: spirit of capitalism; comparative analysis of the most important religions.

Опубликованная в 1905 году теория Макса Вебера «о духе капитализма» оказала сильное воздействие на умы социологов и историков с самого её появления. Произведение было опубликовано в Германии и с тех пор является одной из лучших работ по анализу причин возникновения современного капитализма [1]. Многие историки восхищались этой теорией за её попытку объяснить, почему капитализм прижился в Европе и США лучше, чем каких-либо других странах. Критика тезисов Вебера держала его идеи постоянно на виду. Они рассматривались под различными углами зрения, и эхо дискуссий, вызванных ими, отзывалось в научном мире в течение сотни лет и продолжает отзываться сейчас. Вебер предположил, что капитализм был продуктом так называемого «западного мышления», которое само по себе состояло из множества составляющих. Одной из таких составляющих была протестантская этика, которая оказала значительное влияние на возникновение «духа капитализма», того, что Вебер называл основой экономической системы [1]. В течение XVIII столетия, этот дух стал частью европейского образа жизни и придал капитализму импульс, сделавший его доминирующей экономической системой в мире. Макс Вебер видел причину возникновения капитализма не только в накоплении капитала, а в рациональном подходе. По сути дела, Вебер настаивал, что капитализм представлял собой победу рациональности над традиционализмом. По Веберу, капитализму присущи дисциплинированная рабочая сила и организованные потоки инвестиций. Он утверждал, что эти факторы присутствуют только в Европе и наиболее сильно

выражены в протестантских нациях, таких как Англия, Голландия и Германия, где аскетические протестантские группы имели большое влияние. Особенно интересным является поиск и определение Вебером причин и последствий, когда на стыке таких наук как геология и социология появляется новое понимание экономики и экономических процессов.

Библиографический список

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – 347 с.

«НЕГАТИВНАЯ ДИАЛЕКТИКА» И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Д. Г. Кукарников, Е. В. Струков
Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия

Summary. The article represents the problem of correspondence between basic methodological principles of “negative dialectics” and social reality. The idea of “negative dialectics” as the foundation for the critical social theory and its interpretation is substantiated here.

Key words: negative dialectics; social reality; metaphysics; critical social theory; epistemology; social change.

Основоположник «негативной диалектики» Теодор Визенгрунд Адорно (1903–1969) – немецкий философ и социолог, один из ведущих представителей Франкфуртской школы социальных исследований. Находясь под влиянием идей марксизма, Т. Адорно полагает, что социальная теория всегда должна сохранять критическую направленность. Исходя из этого, он подвергает критике многие подходы, используемые в социальных исследованиях и претендующие на научность, за то, что они не учитывают возможность социального изменения. Причина неудач традиционной метафизики – феноменологии, идеализма, позитивизма – в иллюзии, что бытие соотносится с мышлением и является доступным для него. «Никакой разум не смог бы найти себя в реальности, порядок и форма которой подавляют любую претензию разума» [1, с. 125], – пишет Т. Адорно в книге «Актуальность философии» (1931).

Принципу тождества бытия и мышления должна быть противопоставлена «негативная диалектика», диалектика отрицания, не признающая тождества реальности и мышления. Традиционная философия стремится познать непохожее, сделать его похожим. «Разум становится неспособным уловить реальность не в силу собствен-

ной неспособности, а поскольку реальность не есть разум» [4, с. 211]. Негативная диалектика как борьба против господства тождественного означает восстание частных против порочного всеобщего и внимание к индивидуальному. Негативное, т. е. не подвластное усмирению духом, должно быть двигателем демистификации.

В книге «Негативная диалектика» (1966) Т. Адорно пытается соединить эпистемологические и социально-критические мотивы: отрицание не является, как в гегелевской диалектике, моментом перехода к какому-либо синтезу. Оно представляет собой средство реалитивизации любой замкнутой системы понятий и требует отказа от наличной действительности ради конкретной возможности «утопии», не заданной в виде той или иной позитивной модели.

Т. Адорно делает выбор в пользу Гегеля как диалектика, но не систематика. Ему импонирует диалектика «Феноменологии духа» в отличие от «Логики» и «Философии права» с их систематичностью. Диалектике синтеза и примирения он противопоставляет диалектику отрицания, не признающую тождества реальности и мышления.

Метафизичная философия имела бы полное право на существование, если бы могла хоть как то воплотить в жизнь принцип, который Гегель выразил как тождество бытия и мышления. Но это невозможно и «в тот самый момент, когда попытки изменить мир терпят крах, философия превращается в бессилие разума» [3, с. 73]. Философия, после того как нарушила свои обещания воплотиться в действительность или непосредственно предшествовать её созданию, была вынуждена безоглядно критиковать себя.

То, что бытие соотносится с мышлением и доступно для него, – иллюзия, ставшая причиной неудач традиционной метафизики – феноменологии, идеализма, позитивизма, марксизма. Как позитивные теории, они трансформируются в идеологии. «Философия сегодня служит только маскараду реальности, чтобы увековечить существующий порядок» [6, с. 560]. Только принцип нетождественности бытия и мышления даёт возможность, избежав камуфляжа, вместе с тем говорить осмысленно о реальности, – полагает Т. Адорно. «Мы живём после Аушвица, и прочитываемый философией текст полон лакун и контрастов, что трудно не приписать демонической слепоте» [6, с. 561].

Диалектика – в борьбе против господства тождественного, восстание частных против порочного всеобщего. «Разум становится неспособным уловить реальность не в силу собственной неспособности, а поскольку реальность не есть разум» [2, с. 67], – пишет Адорно в «Трёх очерках о Гегеле» (1963). Задача негативной диалектики – перевернуть ложную уверенность философских систем и привлечь внимание к индивидуальному. Реальное не есть разум, и это подтверждает, что критика тождественного тяготеет в сторону Объекта» [2, с. 93].

Негативная диалектика материалистична, поскольку реальность не есть нечто рациональное, скорее, она нечто разорванное и неуспокоенное. Примат объективного – в неспособности духа организовать реальность. Негативный элемент (то, что не подвластно усмирению духом) становится мотором демистификации. Идеалисты, по мнению Т. Адорно, пытаются заставить замолчать реальность силой идей, поэтому необходимо «разговорить» реальность, чтобы покончить с абстрактностью идеалистических систем, схемами, решающими, что важно, а что нет [6, с. 562].

В «Негативной диалектике» Т. Адорно критикует понятийное мышление как насилие всеобщего над единичным. Познание, – полагает немецкий мыслитель, – это процесс «отождествления нетождественного» [5, с. 42]. В самом деле, определить предмет – выявить его наиболее существенные признаки и одновременно исключить все остальные характеристики, всё то, что кажется незначительным. Выходящее за рамки понятия Адорно называет «нетождественным» (Nichtidentische). Таким образом, понятие – это микроцелостность, структура, которая подобна совокупности социальных связей, так как общество функционирует через насилие общего над единичным. В этом смысле понятие становится фетишем как часть, иллюзорно тождественная целому [5, с. 20].

К нетождественному философ предлагает относить всё конкретное, единичное, временное, то есть то, что изгоняется из системы или за рамки понятийной формы или насильственно отождествляется. По мнению Адорно, «негативная диалектика просто полагает другое (Andere) как абсолютно первое (Erste) <...>, не абсолютное тождество, бытие, понятие, но нетождественное, сущее (Seiende), фактичность» [5, с. 126].

На основе нетождественного немецкий философ выстраивает модель реальности, которая имеет «матрешечную» структуру. Только каждый последующий объект не меньше, как в обычной матрешке, а больше предыдущего объекта. В этом смысле Т. Адорно акцентирует внимание на «избыточности» реальности: «То, что есть, больше, чем оно есть» [5, с. 148]. Это «больше» указывает на то, что нечто превышает возможности понятийного познания, то есть нечто уклоняется от субъекта.

Поняв основы негативной диалектики, уже не трудно понять позицию Т. Адорно по отношению к философским и политическим концепциям, течениям в искусстве, социальным изменениям. Негативная диалектика трансформируется в критическую теорию общества. Таким образом, негативная диалектика выступает для Т. Адорно как ключ к истолкованию и критике философских и социологических концепций. Идеализм, формалистическое неокантианство, неопозитивизм принадлежат прошлому; «рафинированная и амбициозная» феноменология Э. Гуссерля – не более чем общая и нереализованная

программа; экзистенциализм М. Хайдеггера – «примитивный иррационализм»; Гегель (которому, к слову, Т. Адорно немало обязан) «фальсифицирует реальность своей системой»; догматические формы марксизма характеризуются как априорный и некритический синтез социальных явлений [3, с. 168]. Так посредством критики философско-социологической традиции и всей современной культуры он пытается развенчать ложные образы социальной реальности.

Библиографический список

1. Adorno T. W. The Actuality of Philosophy, 1931. – Telos 31, Spring, 1977. – P. 12–133.
2. Adorno T. W. Hegel: Three Studies (Studies in Contemporary German Social Thought). – Cambridge, Mass. : The MIT Press, 1993. – 204 p.
3. Foster R. Adorno: The Recovery of Experience. – Albany : State University of New York Press, 2007. – 248 p.
4. Theodor Adorno : Key Concepts / Ed. by Deborah Cook. – Durham, UK : Acumen, 2008. – 212 p.
5. Адорно Т. Негативная диалектика. – М. : Акад. проект, 2011. – 538 с.
6. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Т. 4. – Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 880 с.

ЭВОЛЮЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ: МЕГАИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. В. Сажиненко, С. В. Ямщиков

**Международный университет природы, общества
и человека «Дубна», г. Дубна, Московская область, Россия**

Summary. Big History is a young interdisciplinary direction, asserting the unity of cosmic, biological and social evolution. This article describes the development of the governance in the context of Big History. There is studying of the connection between governance and megatrends of social evolution.

Key words: governance; Big History; megatrends of social evolution.

На рубеже 80–90-х годов XX века сформировалось новое междисциплинарное направление – универсальная история, объясняющая эволюцию общества в контексте развития Вселенной [4, с. 6]. Согласно такому мегаисторическому подходу выделяются пять трендов мирового развития: рост технологической мощи, демографический рост, рост организационной сложности, рост социального и индивидуального интеллекта и совершенствование культурно-психологических средств регуляции поведения людей [3]. В связи с выделенными векторами глобальной эволюции рассмотрим развитие системы социального управления.

Рост технической и технологической мощи приводит к повышению ответственности управленцев за принятые решения, особенно за военно-стратегические решения.

Демографический рост вызывает усложнение и дифференциацию управленческих и организационных структур.

Изменение механизмов управления, системы мотивации работников, развитие объектов управления свидетельствуют о росте организационной сложности. Так, простое общество, характеризовавшееся родоплеменной организацией на основе кровнородственных связей и отношений, трансформировалось в сложное общество с широкими и разнообразными отношениями между людьми на основе социальных связей, с управлением через особые социальные образования и механизмы.

В первобытных племенах существовала линейная структура управления. «В таком обществе слабая или вовсе никакая политическая централизация» [2, с. 28]. При этом управление сводилось только к отправлению культа, соблюдению обычаев племени и к временным проявлениям лидерских качеств. Это было оправдано многими факторами, и в первую очередь, постоянной угрозой для жизни. Во время охоты или столкновения между племенами необходимо наличие только одного лидера, вождя, то есть наиболее опытного охотника или воина, который будет управлять другими членами племени. Постепенно власть вождя становилась наследственной, вокруг него формировалась элита племени.

С течением времени несколько племён, проживающих на одной территории, объединяются в более крупные образования – вождества, которые представляли собой переходное звено между племенем и государством. Именно в вождествах или протогосударствах впервые появляется профессиональный управленческий аппарат, который включает в себя «вождя, бигменов, т. е. зажиточных людей, пользовавшихся большим влиянием в общине, и простых людей, которых нанимали к себе на работу или в услужение бигмены» [1]. Кроме вождя, власть которого являлась наследственной, выделялись ещё субвожди и старосты. Таким образом, структура управления социумом становится более сложной, но ещё в большей степени она усложняется с появлением первых городов и государств, когда на смену обычаям и традициям как основным регуляторам общественных отношений приходят законы. Писаное право – это качественно иная ступень развития системы управления и политической власти.

Рост организационной сложности наблюдается и в хозяйственно-экономической сфере. В эпоху «присваивающей экономики» формой организации деятельности палеолитических охотников и собирателей, добывающих средства существования, была родовая община, а позднее, племя. В средние века основной формой организации ремесленного производства выступали цехи, в состав которых

входили мастера, подмастерья и ученики. Усложнение производства, появление новых форм его организации (сначала мануфактур, а затем фабрик и заводов), усиление конкурентной борьбы, увеличение числа структурных подразделений на предприятиях требовало совершенствования системы управления.

Возрастал и объём знаний, необходимых для регулирования деятельности предприятий. Для эффективного управления нужно представлять конечный результат, а для этого должны быть знания о предмете управления и представления об отсроченной пользе, которыми обладают далеко не все. Поэтому уже в эпоху Нового времени возникает потребность в управленцах-профессионалах. Профессионализация процесса управления производством завершается на рубеже XIX–XX веков.

И наконец, рассмотрим такой вектор социальной эволюции в контексте феномена управления, как совершенствование культурно-психологических средств регуляции поведения. Этот мегатренд социальной эволюции вытекает из гипотезы техно-гуманитарного баланса: «чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества» [3, с. 62]. На протяжении всей истории человечества создавались новые технологии, требовавшие качественно иной модели поведения. Общества, не сумевшие найти баланс между технологической мощью и культурными регуляторами, исчезали. Поэтому так велика опасность распространения ядерного оружия, но ещё более велика угроза появления новых видов биологического оружия, поскольку ни одно из существующих ныне обществ не приспособилось к этому виду вооружения, в то время как ядерное оружие из средства массового поражения превращается (или уже превратилось) в средство сдерживания агрессии.

При нарушении баланса между культурно-психологическими средствами контроля и технологиями возникают самые разнообразные последствия. К ним можно отнести гибель обществ, в том случае, если в руки неподготовленных людей попадает более мощное оружие. Демографический взрыв в странах Азии, Африки и Латинской Америки тоже вызван этим дисбалансом.

На протяжении всей человеческой истории культурно-психологические регуляторы вырабатывались в процессе самоорганизации социальных систем. Общества, выбиравшие неверный, с эволюционной точки зрения, аттрактор, погибали. Выживали и продолжали развиваться лишь те общества, которые вырабатывали средства регуляции поведения, адекватные новым технологиям.

Библиографический список

1. Вождество. URL: (<http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0128865>)

2. Джэри Д., Джэри Д. Большой толковый социологический словарь. – В 2-х т. – Т. 2. – М. : ВЕЧЕ-АСТ. – 1999. – 528 с.
3. Назаретян А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации. – М. : URSS. – 2008. – 256 с.
4. Назаретян А. П. Универсальная (большая) история: версии и подходы // Историческая психология и социология истории. – 2008. – № 2. – С. 5–25.

«КЛАН» КАК ТИПИЧНАЯ ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

М. Д. Мамедова

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. Clans universal phenomenon. They can be found in various types of societies and habitats around the world. Clan – a traditional family of Turkmenistan on for today's days.

Key words: clan; traditional family; modern family; the customs; tradition; future generations; values of live.

Кланы – явление универсальное. Их можно найти в самых различных типах обществ и ареалах мира. Сильные позиции сохраняют кланы мультимиллионеров в США, Бразилии, Аргентине, издревле известны братства Черногории (Монтенегро), в прошлом на Руси большое влияние имела семейно-родственная группа под названием *вервь*. Нечто аналогичное у туркмен называлось *гарындашлар* (букв. единоутробники или соутробники), объединенные в структуру **бир-ата – типичная традиционная семья (клан)**, состоящий из малых патриархальных семей – патронимий (*машгала*) [4; 5]. Бир-ата у туркменов представляла собой группу родственников (гарындашлыр) одного предка до 3–5 поколений. Такая структура нередко носила имя этого предка (ата). Численность членов бир-ата достигала 200 человек, но обычно составляла 40–60 [4].

Селились компактно аулом – *бир-ата оба*. При этом семьи жили на расстоянии друг от друга. В Абхазии патронимия называется *абипара*, у каракалпаков – *кёше*, у таджиков – *каум*, *авлод*, *гру*, *тухум*, у узбеков – *элат* и т. д. Как правило, чем компактнее этническая группа, тем чаще для своей консолидации она использует идею самоидентификации. Основывается она на базе кровного родства, этнической чистоты земляческих кланов, богатой родословной патрона, связывающей его с ближайшим окружением. Клан – это, прежде всего, неформальный союз. Испокон веков он возникает под властью патриарха (патрона) на базе родственных связей: прямых и побочных, мнимых и фиктивных, ритуальных и искусственных. В клан могли входить названные братья и сестры (аталычество),

родственники по браку, кросс- и ортокузенные братья и сестры (соответственно по материнской и отцовской линии). К членам клана принадлежат родственники духовные, молочные, родня крестного отца (*кавор* – арм., *натлия* – адж.), усыновлённые и удочерённые дети и т. п. [3; 4]. Издревле культура клана-семьи развивалась с оглядкой на референтную для клана родовую группу. Выделение патронимии из рода исторически было заявкой супружеской пары стать новым родом. Так, по старо-туркменским представлениям род – это тоже семья, только большая, а по современным семья – есть маленький род [1; 2]. Авторитет семьи в родовой группе определялся, прежде всего, её размерами. Таким образом, не будет ошибкой сказать, что семья и клан в традиционном обществе были синонимами. Патронимии разделяются исследователями на три типа: малая, большая и переходная (к малой). В малой семье обычно жила супружеская пара с детьми и кто-то из родственников мужа и жены. Большая патронимия представлена семьями, где вместе с родителями и их несовершеннолетними детьми проживают и женатые сыновья, а также семьи женатых братьев. Встречаются также семьи, где с родителями живёт их замужняя дочь с мужем, но таких немного. Признаками таких кланов были патрилинейность, патрилокальность, проживание на общей территории, наличие общей экономической базы при совместном добывании средств к существованию и их потреблению. Наконец, все живущие были связаны друг с другом агнатным родством. Большая семья у разных групп туркменских народов называлась по-разному: *газаны бир* (общий котел), *табагы бир* (люди, едящие из одной чашки), у геокленов – *ырсыгы бир* (люди с общей едой). Все запасы питания делились между малыми семьями. Такие малые объединения ближайших родственников у туркменов геокленов назывались *ковум-гарындаш* (семейная группа, патронимия). К устойчивым многодетным неразделённым семьям относились с уважением, о них говорили: «*довлетли-агзыбир машгала*» – хлебосольная дружная семья. Как отмечено выше, традиционным патронимиям, как и кланам элиты, свойственны отношения «патрон – клиент», где клиенты – те же родственники и дети патрона, где принято послушание старшим членам семьи вплоть до наказания по адату убийством за нарушение возрастной субординации. Причём сын подчинялся отцу беспрекословно даже после того, как отделялся от отцовской семьи и становился экономически самостоятельным. Туркмены в воспитании детей придерживались правила *огланлы яшдан* («приучи детей к покорности с детства»). Большое значение в патронимии придавалось сыновьям, через которых клан пополнялся невестами. *Чаган огул болсы аркайын йяат* («Спи спокойно, когда ребёнок мальчик»), или «Что такая грустная, словно девочку родила». *Огул ийяр орэ гидер, гыз ийяр – гыра гидер* («Сын поест – на выгоду пойдёт, дочь поест – на сторону пойдёт»). Смерт-

ность девочек из-за пренебрежительного к ним отношения с младенчества была выше, чем мальчиков [2; 6].

Отношение к женщине определялось поговоркой «*хейлени дингле – терсине эт*» – выслушай женщину и сделай наоборот. Муж и жена никогда не называли друг друга по имени. Муж называл жену *хелей* – женщина, или *хатын* – жена, мать детей (*огландарын эжесы*), *кейванымыз* – наша домашняя хозяйка. Жена называла мужа *панын агасы* – «старший брат такого-то», после рождения ребёнка – *дэдеси* – «отец детей». В случаях, когда женщину спрашивали о муже до рождения ребёнка, она называла мужа *адам* («мой муж») или *ой эси* – «хозяин дома». Отношение мужа к жене сводилось к правилу *овреннышдирмезлик* – она не должна была привыкать к мужу и всегда чувствовать его власть в семье. Мужчина считал для себя унижительным ходить куда-либо с женой. Важным элементом патронирования со стороны мужа был факт его возрастного старшинства над женой. По данным переписи 1914 года, браки между мужчинами и женщинами одной возрастной группы составляли 21,4 %, а 55,0 % мужчин имели разницу в возрасте с женой от 5 до 10 лет. Важнейшей характеристикой традиционного генетического клана был постоянный дефицит женщин из-за их высокой смертности [2].

Вместе с тем именно в связи с разницей в возрасте нередко во главе клана вставала овдовевшая женщина, особенно в тех браках, где разница в возрасте мужа и жены составляла 10 лет и более. При этом если женщина после кончины мужа всё ещё в состоянии была рожать детей, то по обычаю левирата (*дакылма*) она становилась женой брата мужа. На дефицит женщин в клане определённое влияние оказывало и многожёнство.

Невестке иногда до зрелого возраста запрещалось разговаривать со старшими членами семьи. Женщина не могла разговаривать с чужими мужчинами, и в случае прихода их в дом она не здоровалась с ними и не прощалась. Невестка даже не могла общаться со своей свекровью. Это право она получала только после рождения ребёнка. И первый открытый разговор свекрови с невесткой означал признание свекровью невестки. В этот день она получала подарок *сойинджи* – белого барашка, позднее – шёлковый или шерстяной платок. Существенно менялось положение невестки после рождения 2–3 детей, особенно мальчиков. После этого свекровь называла невестку по имени, разрешая ей разговаривать с собой. Свекровь всемерно следила за поведением невестки, вмешивалась в самые интимные стороны семейной жизни. В свою очередь, и зять избегал родителей своей жены до тех пор, пока не появлялось 2–3 детей. Только после этого родители жены давали знать о том, что они хотят повидаться со своим зятем, приурочив это свидание к какому-либо семейному празднеству. Этот обычай назывался «*горюшме*».

На первого ребёнка в младенческом возрасте глава семьи обычно не обращал никакого внимания. Последующих сыновей, особенно после второго, он не стеснялся называть по имени или говорить *оглум* («мой сын») и даже брал его на руки.

После смерти жены мужчина стремился немедленно жениться вновь, т. к. по поверью считалось, что не женившийся до 40 дней со дня смерти жены («*кыркы*») на всю жизнь останется вдовцом. При этом высоко ценились (например, у прикаспийских туркмен) молодые вдовушки. Иногда молодых вдовушек предпочитали больше, чем девиц, вследствие их практичности и приспособленности для работы по хозяйству и из-за накопленного ими готового приданного. Разводы были крайне редки и инициировались только мужем. Для этого он приглашал в дом мужчин-свидетелей, трижды снимал шапку и бросал её об пол, повторяя каждый раз «*аялым талак*» – «я даю развод жене». Женщина могла выйти замуж вторично через 3 месяца и 10 дней – срок, показывающий, беременна она или нет [2; 6].

Большие, многодетные трёх- и более поколенные патриимии характерны исключительно для сельской местности, где велика доля ручного труда в производстве материальных благ. Такая сельская семья до сих пор является источником пополнения метагенетических кланов в городах Туркменистана, где господствует малодетность.

Существование кланов в Туркменистане неразрывно связано с внутриэтнической конкуренцией, с одной стороны, и последствиями «демографического взрыва» – с другой. Связь элитарного клана со своей этнической группой состоит в том, что если клан стремиться вверх по социальной и политической иерархии, то он не может существовать без своего электората. В этом смысле элитарные кланы, особенно в государствах Кавказа и в Центральной Азии, подчинены законам этнического общества, в котором развитие происходит на базе конкуренции кланов с соответствующей субэтнической окраской. Разложение многодетной семьи ведёт не к ослаблению, а усилению земляческого единства и клановых связей внутри землячества [3].

Земляческие кланы формируются в среде проживания нескольких территориальных сообществ, чаще в городе, где они конкурируют друг с другом. В политической сфере, где важно привлечь на свою сторону больше электората, могут взаимодействовать, вступать в брачные альянсы кланы высшей элиты различных землячеств. Предки и основной массив первородни патрона в регионах Центральной Азии в большинстве своём живут в определённой сельской местности. Здесь достаточно ресурсов, чтобы «протолкнуть» родственника в столицу.

Клан – структура, возникающая не только на базе кровного родства, а ещё на базе брачного родства [4].

В отличие от реального семейного родства, клан состоит преимущественно из дальних родственников и не родственников, он более метагенетичен, чем семья, генетическое родство в нём больше идеология, чем реальность. Но если элитарный метагенетический клан обладает в представлении людей очень высокой степенью сплочённости, почему он трансформируется в негенетический? Почему превращается в социальную семью, где кровное родство лишь видимость? Почему, при всеобщем согласии с тем, что родственные связи самые сильные из всех остальных, по мнению некоторых исследователей, метагенетические кланы как бы вымирают, уходя в историю? [4; 5].

Клан – это расширенная, традиционная семья.

В современной психологии понятие «**традиционная семья**» рассматривается как во многом обобщённая категория.

В разных обществах и культурах существовало множество разновидностей семейных и родственных связей [3, 6]. Традиционная семья представляла собой в первую очередь экономическую ячейку. Все члены семьи, как правило, были заняты в общем производстве, у высшей аристократии главные причины брака были связаны с приобретением собственности, власти, влияния. В прошлом в Европе любовь не была основой для брака, и не предполагалось, что в браке подобные чувства должны расцвести. В основном в странах Центральной и Восточной Азии так же заключали браки, основываясь на экономической выгоде для семьи. В наше время Европа отошла от этого принципа создания семьи, а вот страны Востока сохраняют свои традиции и обычаи, сложившиеся веками. В основном именно благодаря этим традициям можно выявить термин «традиционная семья» [6]. Отсюда можно сделать вывод, что традиционная семья – семья, которую можно определить не только как нуклеарную семью (мама, папа, ребенок), а так же как ячейку общества, сохранившую большинство традиций, верований, обычаев, передающихся из поколения в поколение и чтимое по сей день [6].

Современная семья – многофункциональная ячейка общества, связанная супружеством-родительством-родством, сохраняющая и передающая из поколения в поколение нормы, правила, традиции того или иного народа, общества, страны или культуры, в которой они проживают [7].

Проведённый нами опрос туркменского населения летом 2011 года (жителей Ашхабада, Хонджамбаса, Туркмеабада, в целом в количестве 48 человек) позволил выявить интересные результаты. Почти 83 % считают себя традиционной семьёй с присущей только ей складом традиционной (клановой) семьи. И только 2 % жителей Ашхабада относят себя к современной семье, подчёркивая значимость современности. Остальные опрошенные – 15 %, не могут

определились и относят себя к современной семье с сохранившимся традиционным укладом жизни.

Анализ специальной литературы, посвящённой семье Туркменистана, и проведённое исследование позволяют выявить следующие психологические характеристики клана, как традиционной семьи:

- клан во много определяет будущность поколений;
- формирует самосознание и целостность жизненных ориентаций подрастающего поколения;
- сохраняет сложившиеся обычаи в течение нескольких столетий в структуре семьи, передающиеся по наследству и ведущие к осознанию собственного «Я»;
- воспитывает толерантное отношение к окружающим независимо от пола, возраста и национальности;
- проявляет отношение к окружающим, за счёт сохранения традиций. Почитание и уважение к старшим, сохранение семьи благодаря преемственности поколений;
- сформировавшуюся семью присоединяет к существующему клану, и она становится ячейкой большого традиционного рода;
- уровень разводов минимален, дети растут в полной семье;
- строго соблюдаются семейные роли, что передаётся из поколения в поколения и т. д.

Несмотря на то, что клановость в Туркменистане преобладает и европеизированной классической семьи практически не найти, даже они пытаются сохранить и приумножить традиции, передающиеся из поколения в поколение.

Клан в наше время не редкость и несёт огромную не только психологическую, но и этническую, историческую значимость. В настоящее время трудно найти современную семью, которая не относит себя к части клана и не сохраняет традиционность.

Следовательно, можно утверждать, что в Туркменистане преобладают клановые семьи, в то время как современные (классические европеизированные) семьи практически отсутствуют.

Библиографический список

1. Антонов А.И. Семья: функции, структуры, теории семейных изменений // Основы социологии. – Изд. 2-е. – М., 1994; Демографическая политика // Мы и наши планы. – М., 1987.
2. Джакиев А. Очерки о происхождении и формировании туркменского народа в эпоху средневековья. – А. : Туркменистан, 1991. – 336 с.
3. Кадыров Ш. Нация племён. – М. : ИА РАН, 2004.
4. Кадыров Ш. Элитарные кланы. Штрихи к портретам. – Oslo : University of Oslo, IFECAS, 2010.
5. Кадыров Ш. Х., Медков В.М. Семья, репродуктивное поведение, демографическая политика // Мы и наши планы. – М., 1987.

6. Кадыров Шохрат. Русский иллюстрированный словарь быта туркменских народов в XX веке. – М., 2008.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОЦЕНКЕ Н. А. БЕРДЯЕВА

Э. Р. Сафина, Г. Б. Сайфутдинова

Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. Nikolai Berdyaev (1874–1948), known from the Soviet Russian philosopher, was born in Kiev province. For a long time Berdyaev lived in Europe. After returning to Russia, he took an active part in organizing the Religious-Philosophical Society in Memory of Vladimir Solovyov, published in the journal "The Way".

Key words: Russian Revolution; ontology; epistemology.

Первую русскую революцию (1905–1907 гг.) Николай Бердяев принял с недоверием, он критикует различные варианты российского радикализма, как «левого», так и «правого» толка. Эпохальными, с точки зрения определения собственной философской позиции, стали для Бердяева его книги: «Философия свободы» (1911) и «Смысл творчества» (1916). Во время Первой мировой войны Бердяев, не разделяя взглядов, которые ему представлялись «крайностями» патриотизма, был далёк и от настроений антигосударственных, и тем более антирусских. Итогом его размышлений этих лет стала книга «Судьба России». Отношение к Февральской революции (1917 г.) у него с самого начала было двойственным: падение монархии он считал неизбежным и необходимым, но и «вступление в великую неизвестность» послереволюционного будущего воспринималось им как чреватое хаосом, падением в «пучину насилия». Октябрьская революция, по словам Бердяева, это «демократия и социализм как «принудительная добродетель и принудительное братство». Позднее он вернулся к признанию социалистической идеи, но всегда был противником большевистского тоталитаризма и видел свой долг в духовном противостоянии ему. В своих работах по оценке революций Бердяев писал: «Русская революция есть великое несчастье. Всякая революция – несчастье. Счастливых революций никогда не бывало. Но революции посылаются Божьим промыслом, и потому народы многому в них научаются. Русская революция – отвратительна. Но ведь всякая революция отвратительна. Хороших, благообразных, прекрасных революций никогда не бывало, и быть не может. Всякая революция бывает неудачной. Удачных революций никогда не бывало. Французская революция, признанная «великой», тоже была отвратительна и неудачна. Она не лучше русской революции, она была не менее кровавой и жестокой, столь же без-

божной, столь же разрушительной в отношении ко всем историческим святыням» [1, с. 438].

Библиографический список

1. Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. – М., 1991.
2. Малышевский А.Ф., Лазебникова А.Ю., Рогозин И.И. Из истории русской гуманистической мысли. – М. : Просвещение, 1993.

КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

М. А. Гайдай

Институт социальных наук Иркутского государственного
университета, г. Иркутск, Россия

Summary. The concept of a creative class is considered in the article. The author offers to take a creative class as stimulus of development of the Russian society. Also, characteristic features of the representative of the creative class is described in this article. The author explains the importance of a creative class for Russia.

Key words: creative class; society; personality; development.

Основой развития любой компании, сектора бизнеса, организации, города, региона и общества в том числе является отдельная личность, которая принимает участие в создании интеллектуальных или материальных ценностей. Личность, создавшую что-то новое, способное изменить сложившуюся ситуацию, можно отнести к креативному классу. Создателем теории креативного класса является американский экономист Ричард Флорида. Согласно его мнению, «ядро креативного класса составляют люди, занятые в научной и технической сфере, архитектуре, дизайне, образовании, искусстве, музыке и индустрии развлечений, чья функция заключается в создании новых идей, новых технологий и нового креативного содержания». Также Р. Флорида относит к этому классу всех тех, кто занимается решением сложных задач, «для чего требуется значительная независимость мышления и высокий уровень образования и человеческого капитала».

Сегодня, когда ситуация в нашей стране стабилизировалась, российскому обществу нужен мощный стимул для дальнейшего развития, чтобы не застыть на месте, и именно таким стимулом могут стать представители креативного класса. Креативные люди были всегда, но они не являлись классом, а лишь условием для его возникновения. Креативный класс появляется как следствие инновационного развития.

По-моему мнению, среднестатистический представитель креативного класса должен обладать следующими характерными чертами: открытостью и восприимчивостью к новым знаниям; склонностью к обмену знаниями между собой; умением получать новые знания друг от друга. Он должен быстро и гибко перенимать всё то, что эффективно работает, перерабатывать и модифицировать новые знания в собственном стиле; уметь работать на стыке разных профессий и областей знания; легко адаптироваться в меняющемся мире. Его должны отличать мобильность, стремление избегать принадлежности к формальным организациям; высокая самооценка и развитая рефлексия по поводу собственной востребованности на рынке труда. Креативная личность должна стремиться к обмену идеями, информацией на неформальном уровне; отказываться от официальных каналов коммуникации в пользу свободных, малорегламентированных площадок; использовать новейшие технологии для общения. Стремление к обмену информацией, возможность самоорганизации в рабочие группы для выполнения проектов; масштабная конкуренция, соперничество идей и взглядов, борьба за право диктовать моду и правила игры, задавать повестку дня; амбициозность и сверхвысокая мотивация достижения – весьма характерные качества таких людей.

Россия, по оценкам международных экспертов, потенциально располагает вторым по численности креативным классом в мире – около 13 миллионов человек. Но по показателям, отражающим роль этого класса в жизни общества и в экономике, Россия занимает лишь 25 место. Необходимо помочь креативному классу осознать себя, обеспечить ему стратегическую роль в принятии жизненно важных решений, предоставить ему условия для реализации своих способностей. И тогда эти люди будут направлять развитие общества. Россия обладает колоссальным потенциалом – около 10 % населения страны с большой вероятностью может стать креативным классом.

Примером здесь может послужить Великобритания, которая одна из первых движется в этом направлении с конца 80-х годов. В 2000 году там объявили креативность, креативный город, креативный класс основными целями своего ближайшего развития.

Значимость креативного класса для России обусловлена, в числе прочего, сокращением численности населения страны. Вектор демографических процессов в короткое время изменить, к сожалению, невозможно. Разными могут быть лишь темпы сокращения населения. Потому идёт поиск того, что, кроме умелой миграционной политики, можно противопоставить неблагоприятной тенденции сокращения количества россиян. Только значительное повышение качественного измерения человеческого потенциала, т. е. их физическое и интеллектуальное состояние. И в том, и в другом па-

раметрах решающую роль наряду с объективными условиями жизни играет образование.

Наш российский креативный класс обязан, наконец, осознать всю свою важность, равно как и факт собственного существования. Для начала позитивных изменений нужно сконцентрировать весь свой интеллект, всю энергию.

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ВЫРАБАТЫВАНИЯ МОТИВАЦИИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО БИЗНЕСА НА ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. Б. Бокарева
Современная гуманитарная академия,
г. Москва, Россия

Summary. In article on the basis of the structurally functional approach social technologies of development of motivation of subjects of small business are considered. Such technologies concern: image-technology, social adaptation, corporate culture, socially-communicative.

Key words: social technologies; small business; motivation.

Социальные технологии развития мотивации субъектов малого бизнеса на повышение эффективности деятельности являются эффективным инструментом социального управления.

1. Социальная технология кураторства малого бизнеса представляет собой систематическое целенаправленное наблюдение и помощь предпринимателям со стороны компетентных лиц и групп.

2. Социальная технология формирования положительного имиджа малого бизнеса являет собой целенаправленную выработку определённого образа фирмы, товара, услуг предприятий малого бизнеса, обеспечивающего положение фирмы на рынке, желаемое отношение к ним целевых групп [2].

3. Технология социальной адаптации малого бизнеса направлена на повышение эффективности процесса приспособления предпринимателя к существующей среде.

4. Социальная технология формирования корпоративной культуры малого бизнеса представляет собой формирование системы материальных и духовных ценностей, присущих компании и отражающих её индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, а также определяющих поведение и взаимодействие её сотрудников [1].

5. Социально-коммуникативная технология развития малого бизнеса включает в себе опирающуюся на определённый план (программу действий), целенаправленную, системно организованную деятельность по управлению коммуникацией предприятия ма-

лого бизнеса, направленную на решение какой-либо социально значимой задачи.

Так, целями реализации социальных технологий развития мотивации субъектов малого бизнеса на повышение эффективности деятельности являются:

1. Создание благоприятных социальных условий для устойчивости и развития систем малого бизнеса.
2. Содействие малому бизнесу на всех этапах его развития.
3. Развитие профессионализма и укрепление мотивации малых предпринимателей и персонала малого бизнеса.

Для потенциальных предпринимателей характерны следующие проблемы, обусловленные недостаточным развитием социальных технологий:

1. Нестабильность социально-экономических условий.
2. Недостаточно адаптированная к реалиям бизнеса (и в частности малого бизнеса) система высшего и послевузовского образования.
3. Необходимость бесплатной информационно-консультационной поддержки.

Для развивающихся предпринимателей характерны следующие проблемы, обусловленные недостаточным развитием социальных технологий:

1. Несбалансированная инфраструктура поддержки малого бизнеса.
2. Недостаточный профессионализм и уровень образования.
3. Отсутствие единой ценностно-нормативной платформы восприятия малого бизнеса в социально-культурной системе общества.

Для успешных малых предпринимателей характерны следующие проблемы, обусловленные недостаточным развитием социальных технологий:

1. Слабая мотивация предпринимателей и их персонала.
2. Необходимость сохранения и усиления позиций на рынке.
3. Значимость поиска новых путей и методов повышения эффективности деятельности.

Итак, социальные технологии развития мотивации субъектов малого бизнеса на повышение эффективности деятельности направлены на содействие в решении проблем малых предпринимателей всех категорий.

Библиографический список

1. Петрович М. В. Управление организацией. – Минск, 2010. – 331 с.
2. Почепцов Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М. : Дрофа, 2009.

II. КУЛЬТУРА: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА – РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВА

С. А. Шахгусейнова
Азербайджанский государственный университет
культуры и искусства, г. Баку, Азербайджан

Summary. The article considers some problems of the evolution of society, in particular – social evolution. Particularly it focuses on the aesthetic culture, which – according to the author – is the main result of this process. Partially it addresses the problems prior to the aesthetic culture as an aesthetic attitude to reality and its main components – aesthetic consciousness and aesthetic activity.

Key words: social evolution; aesthetic culture; aesthetic consciousness; aesthetic activity; aesthetic attitude to reality.

В процессе социальной эволюции человек создал множество духовных ценностей, в том числе и эстетическую культуру.

Эстетическая культура, как и культура в целом, наполняет человека огромным духовным содержанием, вдохновляет на активную творческую деятельность, тем самым играет большую роль в жизни народа. «Воплощённая в тех или иных культурных ценностях, лучших человеческих идеалах, эстетическая культура во все времена и эпохи возвеличивала человеческое начало в человеке, активно способствовала гуманизации человеческого общества, служила великому делу социального прогресса» [1, с. 3].

Нельзя не согласиться со словами Ф. Энгельса о том, что человека породил труд. Именно в процессе труда человек в прямом смысле стал человеком, т. к. вынужден был общаться с людьми, работать, вносить предложения, спорить, защищаться, добиваться своего или проигрывать. Также менялся и внешний облик человека, притом не только физически, но и эстетически. Значит, наряду с трудом, человека породила также красота. По словам замечательного педагога В. А. Сухомлинского: «Человек выделился из мира животных и стал одарённым существом не только потому, что сделал своими руками первое орудие труда, но и потому, что увидел глубину синего неба, мерцание звёзд, розовый разлив вечерней и утренней зари, багровый закат перед ветренным днём, безбрежную даль степей, журавлиную стаю в небесной лазури, отражение солнца в прозрачных каплях утренней росы, серые нити дождя в пасмурный

осенний день, нежный стебелёк и голубой колокольчик подснежника, – увидел и изумился и начал создавать новую красоту» [2, с. 4].

Человек постепенно приобретает способность не просто видеть предметы, но и отличать в процессе восприятия красивое от некрасивого, ощущать красоту, переживать эстетические чувства.

При раскопках поселений людей первобытного общества были обнаружены ранние продукты трудовой деятельности – украшенные орнаментом орудия труда, предметы быта, а также многочисленные художественные изображения животных. Наличие красивых предметов и простейших произведений искусства свидетельствует о зарождении эстетического чувства ещё у первобытного человека. Поскольку первобытные люди умели художественно оформлять предметы обихода, ритуальные празднества, создавать наскальные изображения, значит, они испытывали удовольствие от их восприятия, то есть обладали эстетическим чувством.

В ходе жизни, разнообразной практической деятельности и общения с окружающими происходит социализация личности человека – процесс и результат усвоения человеком социального опыта, формирование личности в общении с окружающими. У человека постепенно складываются материальные и духовные потребности, целеполагание, шкала ценностей. Сначала стихийно, потом всё более сознательно, в результате практической деятельности создаются такие продукты, под влиянием которых зарождается эстетическое чувство, а потом формируется эстетическое сознание [4, с. 3].

Эстетическая культура – прежде всего результат эстетического отношения человека к действительности, которое проявляется, с одной стороны, как эстетическое сознание и как эстетическая деятельность – с другой.

Как правило, всякое сознание, в том числе и эстетическое, предшествует подобной деятельности. Например, создание произведения искусства как высшей формы эстетического отношения к действительности, в том числе эстетической деятельности, сначала происходит в сознании художника, подвергаются анализу накопленные материалы, результаты наблюдений, и только после этого происходит в прямом смысле создание художественного продукта. В обыденной жизни тоже происходят подобные процессы: чтобы заняться дизайном (как специфической формой эстетической деятельности) квартиры, человек сначала строит планы в своём сознании, активизируя воображение. Чтобы претворить в жизнь красоту, он придумывает её. Отсюда: первично – духовное, а не материальное.

Эстетическое сознание – как более пассивная сторона эстетического отношения к действительности, чем эстетическая деятельность, состоит из ряда компонентов, которые играют важную роль также в творческом процессе. Так как каждый компонент эстетического сознания одновременно является психическим процессом, то

рассматривать их целесообразно как психологические явления, которые делятся на 3 группы: 1) психические процессы; 2) психические состояния и 3) психические свойства или качества. Психические процессы в свою очередь делятся на эмоциональные, волевые и познавательные.

Чтобы не повторять уроки психологии, мы будем говорить только о тех психических явлениях, которые играют важную роль в процессе эстетического освоения действительности, в числе которых – познавательные процессы. К познавательным процессам относятся, во-первых, процессы чувственного познания, которые существуют как у людей, так и у животных, и во-вторых, процессы логического познания, существующие только у людей. Процессы чувственного познания – это ощущение, восприятие, внимание, память и представление, процессы же логического сознания – это воображение, речь и мышление.

Ко второй группе – к психическим состояниям, прежде всего, относятся чувства и эмоции, без которых восприятие искусства почти невозможно, т. к. существуют такие их разновидности, как эстетические чувства и художественные эмоции. Другие компоненты психических состояний – депрессия, шок, стресс, аффекты и т. д. в данном случае менее интересны.

Третья же группа – индивидуально-психологические качества человека: потребности, интересы, характер, темперамент, идеал, вкус, способности, мировоззрение и т. д. Каждый из этих компонентов, так или иначе, участвует в творческом процессе. Они имеют отношение как к художнику, так и к реципиенту. Назовём их разновидности. Это эстетические и художественные потребности, эстетические и художественные интересы, эстетический и художественный вкус, эстетический идеал, художественные способности и т. д.

Эстетическая деятельность как активная сторона эстетического отношения к действительности формируется на основе образно-чувственного мышления, которое порождает эстетику труда, эстетику производства, эстетику быта, дизайн, экологическую эстетику, и конечно, искусство, которое является ядром эстетической деятельности, в том числе культуры.

Искусство возникло на основе развитых эстетических потребностей и эстетических способностей человека. Искусство всегда возникало и функционировало только в обществе.

Процесс формирования у людей способностей действовать целесообразно растянулся на столетия, что дало возможность человечеству создать богатство мира культуры, множество её форм и развить в человеке собственные возможности, которые позволяют ему вольно творить в пределах исторически обусловленных потребностей.

Эстетическая культура как специфический компонент целостной универсальной человеческой культуры вообще представляет со-

бой незаменимую форму социализации человека, социальной регуляции его связей, утверждения личности в окружающем мире.

Библиографический список

1. Гаврилюк П. И. Эстетическая культура и социальный прогресс. – Киев : Наукова думка. – 1978.
2. Толстых В. И., Эренграсс Б. А., Макаров К. А. Эстетическое воспитание : учебник. – 2-е изд. – М. – 1984.
3. Байрамов А. С., Ализаде А. А. Психология : учебник для вузов (на азерб. яз.). – Баку, 1989.
4. URL: <http://libsib.ru/estetika>

PROBLEMS OF AN EPIC HISTORICISM

N. Sozashvili

Telavi State University, Telavi, Georgia

Summary. Explanation of mutual relations between separate genres and intragenre versions special interest is got with problems of an epic historicism to which in the newest scientific literature hardly paid the attention. The typology of an epic historicism is simultaneously typology of epic genres, typology of development of epic creativity. The historicism cannot be isolated from art system; it makes one of its organic qualities. The knowledge of topology and the general laws of epic creativity open opportunities of original scientific penetration into this world.

Key words: epic; historicism; folklore; national; poetry.

Studying of specificity of a genre historicism and revealing of functional – problem borders, in many aspects this specificity causing, proceeds in our science, and all is more distinctly found out necessity of entering into such studying scientific – historical aspects. A genre variety of historical folklore reflects not only set of problems which are a national historical consciousness, and set of their decisions, but also movement of this consciousness. Process of genre evolution in historical folklore, formation of one genres, disappearance and fading of others, transformations and changes of genres are connected to progress, with evolution of a folklore historicism, with opening all new opportunities of art knowledge of a history, that is, finally, with development of national judgment of the historical validity and with expansion of national historical experience.

By way of studying this evolution, explanation of mutual relations between separate genres and intragenre versions special interest is got with problems of an epic historicism to which in the newest scientific literature hardly paid the attention.

Nowadays it can take certainly for granted, that genres of national epic poetry represent consecutive, naturally arising types of art reflection

of the validity and that an essential distinctive attribute for them is character of a historicism.

The analysis of materials of epic creativity of many people has allowed establishing, that the epos develops from generalized-fantastic forms of a historicism, where structure-forming role historical concreteness gradually starts to play. This process has, apparently, universal character; it receives the expression in all elements of epic system, first of all – in topic, in epic characters, in the subject world, in representations about time and space.

Essential feature of epic creativity consists in successive connection of its stages and in irreversibility of general development.

It means that each new genre version of the epos definitely corresponds with typologically previous versions, grows by transformation and denying. It means also, that process goes only in one direction and those typologically later forms cannot generate the form archaic or be transformed to these last.

The question on typology of early forms of the national epos is combined enough and in the Georgian science continues to be discussed briskly. Besides it is complicated still that different researchers offer for relatives or even identical types various terms. For us in this case these divergences have no special value as the certain unity of sights on the vital issues is available. It is possible to take for granted, that early archaic kinds of the epos – «the mythological epos», «a powerful fairy tale», «epos before the state formation» – generation of a primitive – patrimonial society, in them are reflected struggle of the person against the nature and the major gains in this struggle, interbreeding collisions, in them have received heroic realization traditional primitive-communal norms of attitudes, representations and ideals of primitive collective. The image of acts primogenitor – the cultural hero, then – feats of rich people, a theme of heroic courtship, struggle against monsters, patrimonial revenge make the main maintenance of these archaic legends.

It would be naive in monuments of this type to search for reflection of any concrete events, and heroes of them to erect to any real prototypes. In archaic epos before the formation of state we find representations about set of the worlds or about the several worlds adjoining with that world in which epic heroes live, a fantasy invariable treated as a reality.

In an explanation of epic motives and images of us always traps danger of rectilinear their erection to real situations and attitudes. At such illustrative approach the hyperbole, for example, is treated as simple increase or multiplication something real, the idealized image – as quite real description, spatial descriptions – as precisely corresponding to real topography, etc.

With the validity, about a measure and borders of its reliability it is necessary to solve a question on a parity of the archaic epos, obviously, in view of that the epic fantasy and an epic plan is not only original art pro-

cessing of real experience of primitive collective, but they in themselves – from the point of view of epic consciousness – are real and should be considered as the elements of the validity receiving the specific realization in system of representations, and also in ceremonies, magic actions, etc.

One of the best tasks will be to overcome inertia of the illustrated approach to a historicism of the archaic epos and to understand it in its specificity and complexity. And for this purpose it is necessary to study the laws of epic creativity regulating the character, borders and ways of development by the epos of the validity. It is especially important, that, apparently, the same laws were in own way transformed in later epic creativity.

Those researchers who erect many epic motives to household norms, ceremonial to practice and typical representations of a primitive society are certainly right.

So, for example, the major, structure-forming for the epos about courtship the motive of a choice of the bride outside that microcosm in which the hero lives, reflects the exogamic order of spoilage. Motives of epic tests of the groom, performance of difficult tasks by it, motives of epic competitions also go back to marriage customs. A historic-household substantiation motives of searches by maidens – fighters' oppression find as well, and situations in which on the foreground role epic «the assistant to the groom» is put forward. Precisely as also other popular epic subject themes can be correlated, finally, to the various typical sides of a life, norms, ceremonies, social institutes, representations of the society living in conditions primary building.

The most general review of materials of the archaic epos shows, that its subject fund, no less than structure of characters, an arsenal of epic subjects, toponymic fund, etc., is formed on the basis of the typical, steadily repeating phenomena and attitudes of the validity.

Our attention should be involved not only in the presence of doubtless connections between archaic epic subject and the validity, but also striking discrepancy of epic plots of a reality. The epos not simply reflects household attitudes, customs, real situations, but also essentially alters them. The phenomena of a life and a social life appear not in natural forms of the life, but also in the forms of past poetic processing which cannot be considered simply as a certain free game of imagination and which itself is caused by a level and specificity of epic consciousness, that is outlook and the art representations peculiar to the environment, creating the epos. The historical-ethnographic substratum is exposed to transformation on the basis of real and ideal, mythological and fantastic concepts about the world, real experience of collective and its ideals, and the mechanics of this transformation on the basis of real and ideal, mythological and fantastic concepts about the world, real experience of collective and its ideals, and the mechanics of this transformation is adjusted by epic laws. One of them is the law of conflictness. Epic creativity always is based on revealing in this or that situation, in this or that ethnographic

element of their validity conflict essence, the drama beginning. So, the courtship based on the exogamic norms, grows in the epos in the most dangerous enterprise demanding heroism and detection of special qualities, abounding with collisions, struggle, wonderful tests. The elementary household situation – a meeting of relatives after separation – includes obligatory unknown motives, quarrels. Duel with a bloody outcome, and on this basis sharply drama plots are created.

Other typical epic collisions arise when traditional household norms or ceremonies collide with new attitudes and concepts, rejected by a society or comprehended as contradicting to its moral principles.

The conflictness of epic subject formulas initially corresponds with basic for the archaic epos idea of inevitability and invincibility hero embodying force and optimism of collective. This idea finally defines structure epic subjects and represents one of laws of epic creativity.

In bowels of the archaic epos there are such specific art features, as consecutive idealization of epic heroes and the world to which they belong, represented hyperbola, reserve of the image, in particular – reserve of time and spatial descriptions, reserve of motivations, images of attitudes between characters.

In all cases when we would like to find out a real historical-ethnographic material in the archaic epos, it is necessary to reckon with that before us – based on specific work of art consciousness of generalization, the formular stereotypes representing independent poetic value.

Connections «the prototype – the hero» start to arise only at the latest stage of epic creativity – stages of the real-historical epos, classical expression-historical songs. These connections are included in wider system of a historicism of new type.

In works of last time with sufficient definiteness character of a historicism of this genre, presence in it of connections with epic tradition, bright expression in it of new aesthetic principles are revealed. It is established, in particular, that to a historical song fiction, but the nature and character of others are integrally peculiar, in comparison with fiction epic as it bases on the concrete facts really histories. At the reference to these concrete, to isolated facts the historical song finds out a material for generalizations, for consciousness of typical subject themes of collisions of images. Thus the mechanism of selection, mastering and processing of a real material in any measure is not free from art laws, from authority of tradition.

The typology of genre historical songs should be considered, that in this genre also occurs – but only under the laws – poetic transformation of a history, its national judgment and art modeling. The poetry and a historicism not two different categories, they make non segmented unity which defines essence of a genre.

The question on a historic-phased attitude of different types of a folklore historicism which receives the expression in the ratio various

genres recently was investigated on a material of folklore of various peoples. These researches have shown that the general laws which caused formation and development historic-song folklore of different peoples here are traced. The historical song is allocated from the classical epos as an independent genre. Its basic difference will consist in development of principles of a concrete historicism – the important gain of folklore aesthetics. This process is irreversible, the historical song as a genre cannot return on a way of a historicism of the heroic epos. Separate products can test secondary influence of the epos, but the genre as a whole keeps essential attributes of qualitatively new folklore phenomenon. This law characterizes attitudes between the heroic epos and a historical song in folklore of many peoples.

Between the hero of the epos and the hero historical songs, from the point of view of an aesthetics and character of a historicism, it is possible to see a basic difference by the example of the Georgian songs.

In Georgian folklore the modern researcher allocates three groups of songs which differ by genre principles and reflect different steps of development of an epic historicism: the songs of the heroic contents described genre, presence of fantastic, fantastic motives, family – household ballads and songs of historical subjects.

Our review of types of an epic historicism would be incomplete, if we have not mentioned such genre version, as a historical ballad which sets an example of specific evolution of an epic historicism. There are bases to believe, that the historical ballad grows, as well as a historical song, if not completely appreciably on ground of the epos and succession with it is connected.

Ballad historicism, however, is characterized by the complex of attributes and absence of some the attributes determining for other genres. As against heroic epic songs of a ballad do not conclude the image of military collisions of nation-wide scale, do not give wide epic pictures of struggle, do not draw powerful feats; to poetic system of ballads the hyperbole, epic idealization, etc. are not peculiar. Contrary to historical songs the ballad has no obligatory aesthetic installation on historical concreteness and actual definiteness, on a poetic reconstruction of individual historical events. The contents of ballads cannot be dated and is exact, is commented, and heroes of them, as a rule, do not correspond with real prototypes. Historical conflicts, shocks and shifts in a national life receive household refraction in ballads. The historical ballad has the subject of a history becoming a life.

The high dramatic nature is inherent in ballads, in them there is also the heroic beginning shown here, however, not in powerful feats, and in moral stability of heroes. The typology of an epic historicism is simultaneously typology of epic genres, typology of development of epic creativity. The historicism cannot be isolated from art system; it makes one of its organic qualities. If we want to understand the attitude of the given

genre to a history, we should study not realities, not a certain historical and ethnographic substratum, not names and annalistic echoes, but the epos as the whole, as the phenomenon of a folk art to which the certain aesthetic laws which represents the original art world are peculiar. The knowledge of topology and the general laws of epic creativity open opportunities of original scientific penetration into this world.

Bibliography

1. Cistov K. V. (1976). Die Variabilität als Problem der Theorie der Folklore.
2. Emeljanov L.I. 1978. Methodical questions of folklore. Moscow, publishing house "Science"
3. Putilov B. N. (1975). Historic-folklore process and a folklore aesthetics. Moscow, publishing house "Science"
4. Chikovani M. (1956) History of Georgian Folklore Word, Tbilisi, Publishing house of Scientific – Methodic Cabinet.
5. Jagodnishvili T. (2004), History of Georgian Folkloristic, I, Tbilisi, Publishing house of Tbilisi University.

ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ХАРАКТЕРА (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ АБУЛЬГАСАНА)

Ш. М. Гусейнова
Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. As with many masters of artistic expression, Abulgasan Alekperzade in their stories sought by various means of expression of artistic styles, including dialogue, portray real human feelings and characters of the people, their heroes. Especially it turned neatly in his dialogues.

Key words: literature; Abulgasan; dialogue; Azerbaijani literature.

Творчество видного азербайджанского писателя Абульгасана, в числе прочего в жанре повестей, характеризует прежде всего единая сюжетная и идейная канва, сходство нравственных ориентиров, дополняющее друг друга содержание и совершенство выразительных средств. Писатель стремился, с учётом художественно-эстетических принципов, раскрывать в своих повестях характерные, типические человеческие образы. С этой целью он с большой ответственностью относился к колоритной и живой выразительности образов, при этом использовал различные средства, в том числе диалог, чтобы показать богатый и разнообразный внутренний мир своих героев.

Как и в прочих литературных жанрах, в эпических произведениях, в особенности в повестях, создание диалога способствует усвоению читателем идейно-содержательной канвы, усвоению основных характеристик героев. Напомним, что диалог отражает в произведе-

нии достаточно полную информацию о личности художественного персонажа, и этим ценен [1]. Диалог имеет ряд других функций – информативную, экспрессивную, выражение мира художника, и т. д. Стороны диалога в конкретных условиях получают и передают друг другу информацию [2, с. 126].

Развитие событий в сюжете произведения, связанные с судьбами героев, их характеры, нравственно-этический мир, человеческие качества, чувства и эмоции – всё это, вместе взятое, и многое другое передаётся через диалоги. Диалоги охватывают собой события, образы художественного произведения, идейную выразительность произведения. Герои изображены в разных жизненных ситуациях, диалоги также составляются так, чтобы были подобны тому, что они изображают. Характерной особенностью диалогов в произведениях Абульгасана является то, что в процессе переговоров не остаётся необходимости в непосредственном внедрении в образ, вхождении, здесь сразу создаётся впечатление об их характере.

В таких произведениях, как «Софи», «Те, кто пишет для себя», «21», «Певец-мастер», «Убили», «Сон сестры», «Постовой», «Восстание», «Знакомые», «Араз», «Развелись», «Кябутар», «Завтра месяц» и др., характеры созданы в соответствии с художественно-эстетическими требованиями к соответствующим жанрам. Как уже отмечалось, с этой целью вполне целесообразно используются все возможности диалога. Как и в большинстве произведений автора, здесь герои не просто передают друг другу информацию, но и выражают в ней то, что должно быть свойственно им по внутренней сути.

В повести «Отцы и дети» с точки зрения характера диалог особенно выразителен: «Алеша, считающийся главарём у детей, ведёт себя, как взрослый, т. е. ходит степенно, держится чинно, даже когда умерла его мать. Он старается при детях вести себя спокойно и даже успокаивать других. Однако все-таки не выдерживает, когда гроб с телом матери опускают в могилу. На кого же ты нас покидаешь? – с криком заплакал Алёша. И другие не выдержали, стали плакать. На могилу стали капать слёзы бедных сирот, оставшихся с этого момента совсем без помощи» [3, с. 8].

Алёша, который старался возле младших детей вести себя, как взрослый, не выдержал до конца того внутреннего немого диалога с матерью, который скрывал до последнего момента, и всё-таки показал свою боль, своё горе. Подобный диалог «за кулисами» основного действия показывает психологическую напряжённость главного героя посредством художественной выразительности.

В повести «На берегу» автор рассказывает о судьбе людей, подвергшихся всяческому издевательствам со стороны фашистов. Своеобразие подхода художника к повышению выразительности с помощью диалога состоит в том, что здесь мысли выражаются как при помощи диалога, так и внутреннего монолога. Вооружённые

солдаты-немцы беседуют с детьми и пожилыми людьми, вернее, развлекаются, потешаясь над их житьём-бытьём. Внешне в вопросах солдат нет ничего необычного: они спрашивают у людей, живущих на берегу моря, чем они занимаются. Диалог носит информативный характер, с целью обменяться тем, кто что знает.

Вместе с тем немецкий офицер постепенно сводит разговор к личности девчушки 12–3 лет. Настойчивые вопросы офицера и похотливые взгляды, которые он иногда бросает на неё, показывают всю гнусность его намерений. Вдруг он захотел в этот раз даже погладить правой рукой ребёнка по голове. Нагло рассмеявшись, он сказал своему товарищу, шедшему ему навстречу: «Красивая внучка, с ней можно хорошо развлечься» [6, с. 76].

Внешность немецкого офицера дополняет его внутренне содержание, его нравственную суть. Его намерения выдают жесты, повадки, мимика, всё поведение в целом, и, разумеется, диалог, который он ведёт с окружающими его людьми. Его хихиканье, смачные взгляды, которые он бросал на девушку, а также выражение, что здесь можно чем-либо поживиться, говорят о многом.

Чувствуется умение автора войти в роль, выявить внутренний мир героев, их нравственное нутро. Наряду с этим резко выражена и позиция автора – через средства художественной выразительности, в том числе и через организацию диалога. Писатель характеризует героя не через собственные представления о нём, а при помощи диалога, где тот своими словами, выражениями, эмоциями характеризует собственную сущность.

Писатель может при помощи словесных средств выразительности расширять или сужать диалоги, изменять их объём и формы. В повести «Пой, соловей, пой», помимо диалога между основными героями, автор прибегает также к заочному диалогу, чтобы лучше, выразительнее охарактеризовать образы, выносимые здесь на сцену жизни.

В лесу разливаются трели соловья, советские солдаты, в том числе призванные из Азербайджана, наслаждаются ими. Однако нашлись те, которым это было не по душе; они разыскали где-то сову, стараясь, чтобы крики ночной совы перекрывали песни соловья. Такой «диалог» между соловьём и совой был вроде бы без человеческих слов и эмоций, однако символически он показывал основные черты нравственно-этического содержания их внутреннего мира.

Как и многие корифеи слова, Абульгасан Алекперзаде в своих повестях стремился при помощи многих художественных средств, в том числе диалога, выразить настоящие человеческие чувства и характеры людей, своих героев. Особенно искусно это получалось у него в диалогах.

Библиографический список

1. Жданович М. А. Лингвистические средства создания образа персонажа в художественном диалоге: на материале современной англоязычной прозы и драматургии. Автореферат канд. дисс. на соиск. уч. степени канд. филолог. наук. – Самара, 2005. – 24 с.
2. Литературоведение. Энциклопедический словарь. – Баку, 1998.
3. Хализев В. Е. Теория литературы. – М. : Высшая школа, 1999.
4. Абульгасан. Крымские повести. – Баку, 1968 (на азербайджанском языке).

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ КОНЦЕПЦИИ ГУМАНИЗМА

О. В. Володина

Карельская государственная педагогическая академия,
г. Петрозаводск, Россия

Summary. This article gives definitions of culture and its functions. Cultural studies of humanism consider man as the main value. Humanistic function defines a strategy of moral and aesthetic development and improvement of the individual and incorporates the spiritual culture of society.

Key words: culture; humanity; individual; society; values; spirituality.

Понятие “культура” трактуется в научной литературе как результат и процесс социальной деятельности человека; совокупность знаний, умений, характеристик и привычек индивида, уровень развития индивидуальности личности и др. В науке об обществе культура рассматривается не глобально, а в её материальных и духовных аспектах.

Культура выполняет следующие функции:

1) гуманистическую – формирует и образует человека, определяет стратегии его нравственного и эстетического развития и совершенствования, приобщает к духовной культуре общества – созданным и принятым духовным ценностям и эстетическим идеалам, формирует духовную культуру личности;

2) смыслообразующую – даёт смысл явлениям человеческого бытия;

3) оценочную – смысл как духовное образование возникает в процессе и результате оценивания человеком явлений внешнего природного, социального и духовного мира;

4) деятельностную (праксиологическую) – культура во взаимодействующей системе с человеком преобразует мир;

5) познавательную – даёт возможность теоретического и практического освоения действительности;

6) нормативную – отбирает из общепринятых норм (с точки зрения морали, традиции) только такие, которые соответствуют гуманистическим принципам;

7) регулятивную – связывает разнообразные виды деятельности, имеющие культурное значение (например, техническое творчество в образовании и искусстве и т.п.);

8) коммуникативно-информационную – в эмоциональном, интеллектуальном, нравственном, деловом, информационном и др. общении происходит передача опыта, обмен сведениями;

9) адаптивно-охранительную – адаптирует культуру к переменам общества и всемирного сообщества, сохраняя при этом собственную культурную идентичность;

10) ориентировочную – направляет развитие общества и человека: духовная культура ориентирует на высокие духовные идеалы;

11) воспитательную – всестороннее развитие личности происходит через освоение культурных ценностей и норм.

Культурологическая направленность гуманизма позволяет рассмотреть человека в качестве ценности, его места в ценностной иерархии. В этой связи целесообразно обратиться к междисциплинарному исследованию такого сложного системного объекта, как культура в рамках семиотического направления (Ю. Лотман, Б. Успенский, В. Топоров и др.). Семиотическая концепция культуры раскрывает её сущность через зависимость знака от смысла, который он выражают. Культура определяется как система смыслов. Исходя из семиотической концепции культуры, гуманизм трактуется как теория (или учение), обосновывающая высшую ценность человека в рамках логико-понятийного языка культуры. Гуманность (или человечность) является характеристикой поведения (в широком смысле), в котором проявляются установки на признание человека высшей ценностью. Самоценность человека в рамках эмоционально-образного языка понимается как “милосердие”. Основная задача культуры понимается в предоставлении человеку системы смыслов для ориентации в окружающем мире. Осмысление человеком действительности происходит на различных культурных языках (на рациональном – через понятия и логику; на художественном (чувственном) – через эмоционально-окрашенные образы; на поведенческом и моральном – через образцы поведения и ценностные ориентации) и ведёт к наделению смыслом окружающего мира, а также поиску собственного смысла.

Перспективы развития человеческого общества, становление “человеческого в человеке”, надежды на будущее человечества связаны с принципами нового, реального гуманизма. Культура как система духовных ценностей выступает содержанием образования, пространством становления и существования человека духовного. В гуманистической педагогике воспитание и обучение являются вза-

имопроницающими и взаимозависимыми процессами с определяющей ролью воспитания как целенаправленного процесса культурного развития человека. Цель воспитания трактуется как наиболее полное культуроёмкое развитие человека, способного к духовному и физическому саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации. Воспитание создаёт культуру личности – гармонию культуры знаний, чувств и творческой деятельности. Стержнем культуры личности является духовность – её богатый интеллектуальный и эмоциональный мир, высокий уровень нравственного развития, определяющий поведение личности и её стремление следовать общечеловеческим и духовным ценностям. Результативность усвоения культуры в процессе обучения и освоения культуры в воспитательном процессе зависит от активности человека, его способности к саморазвитию, которые потенциально заложены природой и которые необходимо развивать, обеспечивая положительную мотивацию.

Библиографический список

1. Бородавкин С. В. Гуманизм в культуре и культура в гуманизме // Вопросы философии. – 2004. – № 5. – С. 163–176.
2. Методика воспитательной работы : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / под ред. В. А. Сластенина. – М. : АCADEMY, 2002. – 144 с.
3. Мигولاتев А.А. Философии культуры // Социально-гуманитарный журнал. – 2000. – № 1. – С. 85–104.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ВСЕЕДИНСТВА В КОНТЕКСТЕ ДЕГУМАНИЗАЦИИ И ПОТЕРИ НАВРСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. В. Тимощенко

**Северо-Кавказский государственный технический
университет, г. Ставрополь, Россия**

Summary. The text is covering a problem of actualization orthodox values of Russian religious philosophy. Historical consideration of destiny of orthodox outlook in the history of Russia the XX-th centuries is carried out. The search of spiritual reference points for the today-society loosing the cultural wealth is the main idea of this article.

Key words: Russian philosophy; Sofia; Unity; belief; religion; loss of values; spiritual reference points.

Сегодня в ситуации утраты ценностных ориентиров, духовного кризиса, становится актуальным обращение к религиозному измерению жизни, к философскому осмыслению феномена веры, способствующей преображению человека. В начале XXI века очевиден

интерес к православной культуре, повышенное внимание к философским интерпретациям религии.

Интерес к философскому наследию всеединства обусловлен тем, что оно представляет пример философствования, в котором логика идей тесно переплетена с образностью стиля, драматургией фрагментов текста и эмоциональной напряжённостью. К характерным чертам произведений философов можно отнести то, что они «сопротивляются» общепринятым нормам историко-философского анализа, так как обладают индивидуальными коммуникативными и ценностными измерениями, которые обычно не принимаются во внимание «западными» типами философской рефлексии. Тем не менее, их работы являются выражением глубокого осмысления религиозной проблематики с целью усмотрения путей «бодрствования» человека вопреки тяготеющему над ним желанию «мещанского прозябания». Они являются яркими представителями своей эпохи, имеющими оригинальный подход к религиозной проблематике.

Необходимость поиска Россией собственного пути развития обусловлена множеством факторов. Основным является очевидный кризис отечественной духовности, восходящий своими корнями к историческим событиям начала XX века, когда идеи социалистической революции, поглотившие нашу страну, произвели радикальную идеологическую трансформацию, обозначив в качестве приоритетных те аспекты духовной культуры, которые служили укреплению советской государственности, выступая в качестве апологии нового строя. Следствием такой расстановки приоритетов стало разделение богатейшего культурного наследия царско-императорской России на «угодное» и «неугодное», то есть не соответствующее идеологическим требованиям. «Неугодная» часть живших в то время русских философов и художников вынуждена была покинуть страну, образовав известный интеллектуальный пласт, культурное значение которого всячески нивелировалось власть предержащими. Можно ли надеяться, что история чему-то научит нас, россиян, заставив беречь, хранить, ценить свою культуру и её творцов, среди которых всегда были и философы? Вопрос, на который и сегодня, к сожалению, нельзя дать утвердительного ответа...» [2, с. 460].

В своё время творчество плеяды «Серебряного века» трактовалось однобоко, порой доводилось до абсурда интерпретации идейного содержания произведений и писем представителей указанного периода. За семидесятилетнюю историю существования Советского союза было фактически воспитано три поколения граждан, и описанная односторонность истолкования культуры дореволюционной России окостенела, став «нормальной» данностью.

После распада СССР и деидеологизации, когда, казалось бы, почва для возрождения русской культуры была наиболее благоприятной, новая Россия столкнулась с другой проблемой: в глубочай-

шем финансовом кризисе 90-х годов прошлого века наиболее актуальными оказались ориентиры прагматического характера, и православным ценностям вновь не нашлось места. Россияне, озабоченные стремлением выжить в жестоких условиях трансформирующегося государства, сосредоточились на решении текущих жизненных проблем, воспитывая в соответствующем духе своих детей: духовный кризис обрёл новую платформу.

Сама по себе проблематика духовного состояния общества начала XX и начала XXI века очень близка и сводится к проблеме заимствования ценностей или поиска их в русской духовности. От того, сможет ли Россия сохранить свою самость в глобализирующемся информационном континууме, зависит то, насколько вообще в настоящем и будущем возможно говорить о России. В то же время, мир, действительно, не стоит на месте. Он развивается. И смысл российской духовности в том, чтобы давать внутренние ориентиры социального развития.

С приходом ленинской партии к власти в стране началась борьба с религией и Церковью как носительницей чужеродной новому строю идеологии. Эта идеологическая борьба проходила в несколько этапов. Начавшись стихийно, уже с 1922 года эта борьба обзавелась чёткой программой. По мере строительства социалистического общества она лишь усиливалась.

Тогда же активизировалась поддерживаемая государством общественная организация – Союз безбожников СССР. По инициативе Е. Ярославского в декабре 1922 года в СССР стали издавать газету «Безбожник», ответственным редактором которой на протяжении почти двадцати лет он сам и являлся. Ярославским же была выдвинута идея организации кружков воинствующих безбожников. В ноябре 1924 года ЦК партии по предложению Ярославского организовало полноценное антирелигиозное общество. В апреле 1925 г. прошедший в Москве съезд Общества друзей газеты «Безбожник» положил начало Союзу безбожников СССР. «Через безбожие – к коммунизму», «Борьба с религией – это борьба за социализм», – под такими лозунгами действовал Союз безбожников.

Борьба с религией увенчалась конкретными результатами, и церковная структура была почти полностью уничтожена по всей стране уже к началу Второй Мировой войны. На свободе остались лишь несколько епископов, а для богослужений было открыто всего лишь несколько сотен храмов во всём СССР.

В начале Второй Мировой войны, когда ход боевых событий принял для СССР катастрофический оборот, Сталин принял решение мобилизовать для обороны все национальные резервы, включая Русскую Православную Церковь как народную моральную силу. С этого момента Церковь находилась под государственным контролем, но отношения её с властью несколько потеплели. Тем не менее

любые попытки расширения её деятельности пресекались административными санкциями. В период «хрущёвской оттепели» положение церкви стало ухудшаться – из-за идеологических установок были закрыты тысячи церквей на всей территории СССР.

А. В. Гулыга, описывая ситуацию нашего совсем недавнего прошлого, проникновенно взывает к совести тех, кому не безразлична судьба России: «Сегодня родина в беде. Как и три с половиной века назад, Россия ввергнута в смуту. Народ бедствует, страна расчленена и подавлена иноземцами и мнимыми русскими (говорят и пишут по-русски, а мыслят и ведут себя как враги России). В ходу иноземные деньги, на экране – чужая речь... Уместно ли в этих условиях вспоминать о русской идее?.. Необходимо, прежде всего, возродить единое национальное самосознание... Необходимо возродить уверенность русского народа в своих силах, в способность самим устроить свою жизнь, сохраняя и развивая собственную самобытность. Русская философская мысль, изгнанная на многие десятилетия из нашего обихода, возвращается к нам сегодня как путеводная звезда, призванная вывести нас из мрака и запустения. Не признавать её значения сегодня невозможно. Задача состоит в более глубоком её освоении и дальнейшем развитии» [1, с. 439–442].

В 1988 году празднованием Тысячелетия Крещения Руси ознаменовался закат государственно-атеистической системы. Это событие придало импульс отношениям церкви и государства, заставило официальную власть начать выстраивать отношения с ней на основе признания её огромной исторической роли в судьбе государства, а также её вклада в формирование нравственных устоев народа. Фактически с конца двадцатого века церковь вновь становится социальным институтом, способным на государственном уровне решать вопросы идейного наполнения жизни общества.

В социальном смысле церковь предполагает возможность подлинной самореализации индивидуального сознания во всеобщей идее. Тем самым, значение «всемирности» христианства заключается в том, что каждый человек, ибо он человек, должен узнать о своей индивидуальности, связи с «внеприродным» через иллюстративный подвиг Христа.

Единство человечества предполагает единственность Бога и единственность пути спасения. Этот путь есть установление (восстановление) непосредственной связи с Богом, которое в этом мире опосредуется церковью как социальным институтом. Таким образом, психологическая доминанта сущности человека уравнивается с его социальным статусом.

Социальное опосредует развитие индивидуального. Личностное спасение утверждается церковью как социальным институтом, хотя оно и опосредуется церковью в целом. В смысле осуществления личной и социальной свободы это означает, что человек, изначально

свободный, подлинную свободу обретает через иррациональное общение с Богом (несознаваемым) через веру.

Тем самым, в социально-психологическом смысле христианском может считаться тот, кто безусловно примет социальное (церковь) в качестве выразительницы социально-психологической доминанты (Бога). Т. е. подчиняясь общим социальным принципам, человек обретает самого себя в Боге. Такое социальное опосредование психологического содержания личностного развития превращает индивида в часть единого организма, со всем множеством индивидов, в отношении к Богу. Смысл религии в русской философии по своему принципу – культурогенный и, одновременно, сохранный. Православное богословие наряду с догматическими предписаниями и церковными преданиями сохраняет в себе и идею самой мудрости – Софии, хранящей Россию многие века. В социальном значении этот аспект проявляет себя в вечной теме для русской философии – соборности.

Понятие соборности, почерпнутое русскими метафизиками из опыта церковной жизни, было успешно экстраполировано ими на весь процесс исторического развития. Также необходимо обратить внимание ещё на один принцип, соотносящийся с софийным – принцип свободы личности, тесно связанный и с рассмотренным принципом соборности.

Конечно, софиологию как философскую концепцию нельзя полагать «открытием» только русской метафизики всеединства, а как теологическую – достоянием только православной мысли. Современный исследователь М. Френч по этому поводу утверждает, что мистико-софийные представления можно обнаружить и в иудаизме, и в католицизме, и в протестантизме, и во множестве западноевропейских философских концепций. Обращаясь к мыслям М. Мюллера о том, что метафизику возможно разделить на две формы, в которых она проявляется – или метафизика постигает возможность свободы, исходя при этом из бытия, или, напротив, исходя из экзистенциальной свободы, пытается осмыслить бытие – он говорит о «старой метафизике бытия» (средневековой) и о «метафизике свободы», которая связана со становлением современной философии личности. И, что особенно замечательно, М. Френч выделяет также ещё одну, третью разновидность метафизики, которая представлена «новой софиологией», развивающей традиции положительной философии Ф. Шеллинга: «Родоначальник русской софиологии Владимир Соловьёв предпринял попытку синтеза двух форм метафизики... он, с одной стороны, развивает свою идею Богочеловечества на фоне религиозно-философских представлений Востока (индуизм, буддизм), затем, на фоне спора отцов Церкви с гностическими учениями, и христологических умозрений святых отцов и средневековых школ... С другой же стороны, – ...он примы-

кает к западноевропейской метафизической традиции, и, беря одно за другим её разные положения, обсуждает их и пытается с помощью диалектического хода мыслей привести их к опыту всеединства или Софии» [3, с. 84].

Эта оценка западного эксперта входит в явное противоречие с достаточно часто озвучиваемым мнением о том, что русская философия была способна только на повторение и развитие идей, концептуально оформленных философией европейской. «Новая софиология», вести отсчёт становлению которой можно начинать с творчества В. С. Соловьёва, являясь синтезом двух форм метафизики, обусловивших развитие всей западноевропейской философии – и средневековой, и нововременной, уже самим этим фактом свидетельствует об органической включённости российской философии в общий процесс формирования философии, по крайней мере, евроатлантической. Кроме того, такая высокая оценка именно софиологии среди других достижений российской философии не позволяет игнорировать её и в современности.

Действительно, оформившиеся в ней принципы софийности, соборности, свободы личности и другие должны быть адекватно восприняты современной мыслью и, более того, развиты и интерпретированы применительно к изменившейся социальной ситуации. Тем более что ситуация эта ясно свидетельствует о прогрессирующей тенденции к универсализации общественных отношений. И феномен глобализации, ставший сегодняшней реальностью, на наш взгляд, может стать доступным объективному осмыслению только в случае использования подходов, диалектически синтезирующих противоречивые достижения философской мысли, и одним из таких подходов является методология российских историософии и социальной философии, важным принципом которых выступает софийный.

Библиографический список

1. Гулыга А. В. Русская идея и её творцы. – М. : Эксмо, 2003. – 448 с.
2. Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьёв. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). – М. : Республика; Культурная революция, 2007. – 477 с.
3. Френч М. Премудрость в личности (введение, глава 1) // Вопросы философии. – 2000. – № 4.

КРАТКИЙ АНАЛИЗ РАБОТЫ Ф. НИЦШЕ «О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ИСТОРИИ ДЛЯ ЖИЗНИ»

Р. И. Фаезова, Г. Б. Сайфутдинова
Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. A work of Friedrich Nietzsche, "On the Use and Abuse of History for Life" was written in October – November 1873 and published in February 1874. In this paper contains a critical analysis of the overall situation in historical scholarship in the second half of XIX century, examines the influence of history on the formation of the world people as well as present their own view of history of Friedrich Nietzsche.

Key words: critical analysis of the general situation in a historical science; the concept of the history of Friedrich Nietzsche.

В своей работе «О пользе и вреде истории для жизни» Ницше выступает с позиций идеализма против отношения к истории как к науке. Он противопоставляет этому взгляду собственную концепцию, основанную на интуитивном понимании истории и философии жизни. Также характеризуются и критически оцениваются популярные во времена Ницше концепции истории Гегеля и Эдуарда фон Гартмана. Работа Ницше интересна современному историку не только своей оригинальностью, но и тем, что некоторые её положения актуальны до сих пор, а также тем, что отражение взглядов Ницше можно видеть в современной ситуации в теории и методологии истории [1]. Служить жизни – основное требование Ницше к истории. Он связывает появление истории с психологической способностью человека помнить то, что уже произошло. В результате, он считает, что история зависит от психологических особенностей людей и должна соответствовать их определённым психологическим запросам. На основе этого деления людей на психологические типы он выделяет три «рода» истории: монументальный, антикварный и критический. Монументальная история нужна деятельному человеку, который ведёт борьбу и нуждается в образцах для подражания, учителях, которых не может найти среди современников. Польза этого рода истории заключается в том, что человек учится понимать, «что-то великое, что некогда существовало, было, во всяком случае, хоть раз возможно», и это даёт ему силы пройти свой путь с большим мужеством [2]. Антикварная история необходима для воспитания уважения к прошлому своего народа, с детства прививает человеку любовь к Родине, предкам, чувство общности судьбы со своим народом. Благодаря этому виду истории люди хранят и берегут свидетельства истории, памятники прошлых лет. Ницше так характеризует критическую историю: «человек должен обладать и от времени до времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше; этой цели дости-

гает он тем, что привлекает прошлое на суд истории, подвергает последнее самому тщательному допросу и, наконец, выносит ему приговор...»[2]. Некоторые положения работы Ницше признаются и современными учёными как актуальные.

Библиографический список

1. Коломийцев В. Ф., Блок М., Поппер К., Медушевский О. М., Тош Д. Философия и методология истории. – М., 2002.
2. Ницше Ф. «О пользе и вреде истории для жизни» // Сочинения. – В 2 т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 159.

РИМСКО-ВИЗАНТИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

А. С. Страданченков

Национальный Институт имени Екатерины Великой,
г. Москва, Россия

Summary. From the perspective of the philosophy and cultural studies analysis of the article deals with the occurrence and development of the law as a cultural phenomenon in ancient Rome and Byzantium. Feature of the work is the selection and analysis of the role of the Church in the designated process.

Key words: culture; legislation; Roman-Byzantine law; reform of Solon; Byzantine Empire; ecclesiastical law.

Для определения предмета нашего исследования в указанном аспекте стоит отметить особенности философско-культурологического подхода в отличие от других способов, методов изучения обозначенного объекта.

Римское или римско-византийское право изучалось огромным количеством специалистов, учёных и до сих пор привлекает к себе пристальное внимание различных исследователей из разных областей знаний, – юриспруденции, политологии, истории, социологии и др. Но у каждой сферы знаний в качестве предметной области был свой, достаточно специфический предмет исследования. Так, предметом изучения юристами являются общие закономерности развития государственно-правовой материи, а также государственно-правовые явления, институты и учреждения. В поле зрения исследователей-политологов находятся общие законы развития политических явлений, институтов и учреждений, вопросы политической власти, политической системы, политической идеологии, политического режима, политических отношений и др. Историки делают упор на изучение всевозможных источников о прошлом с целью установления последовательности событий, исторического процес-

са, объективности описанных фактов и формулировании выводов о причинах событий.

Культурология, наиболее близкая к философии, но имеющая свой специфический подход к изучению явлений, пользуется так называемым уровнем социокультурных обобщений, акцентирующим внимание на проблеме субъекта деятельности, её исполнителя, на мотивации, организации и экстраутилитарной регуляции его участия в процессе [8, с. 41]. Именно с указанной позиции в настоящей статье и делается попытка анализа обозначенных культурологических аспектов законодательства.

Правовой колыбелью современного законодательства является Древняя Греция и Византия, давшие миру так называемое «римское право». Примерно с конца XI века до н. э. в Древней Греции, а несколькими веками позже в Древнем Риме, наблюдалась сравнительно общая тенденция к усилению власти царя как верховного руководителя, военачальника, судьи и т. д. Его власть опиралась на патриархально-общинные связи. Формировалась она в виде распоряжений, основанных на родоплеменных обычаях, традициях, религиозных представлениях народа и воле самого правителя.

Вместе с возникновением и развитием частной собственности и товарно-денежных отношений, происходит расслоение общества, приведшее примерно в VII и VI веков до н. э. в Древнем Риме к делению населения на плебеев и «отцов» – людей лучшей доли. Как отмечает ряд исследователей, отношения в те далекие времена напоминали капиталистические отношения, но в не развитых, начальных формах античного мира [9].

Образовавшаяся знать была выделена по ряду социально-экономических признаков. Она получила от правителя право решения вопросов управления. Аналогией исполнительной власти в современном понимании в Древнем Риме был сенат, создаваемый путём назначения царем выделенным им самим из избранных куриями представителей знати. В дальнейшем, создаётся некий прототип законодательной ветви власти, состоявший из собрания старейшин (архонты, ареопаг), которые могли «давать закон». Такого рода разделение управленческих функций свидетельствовало о переходе от родового строя к цивилизации, к прообразу современного общества, государства.

В дальнейшем рост оппозиции со стороны аристократических семей, владеющих большими богатствами и общественным влиянием, распад патриархально-общинных связей привёл к уничтожению царской власти и формированию республиканского строя, – полисной системы организации государства (пр. 509–27/30 г. до н. э.). Последнее повлекло активизацию правотворческой деятельности, её постепенное освобождение от религиозно-мифологической оболочки и религиозных норм (fas). На смену неписаным обычаям,

приходят собственно правовые нормы (*jus*) – закон, имеющий светский характер и выраженный обычно в письменной форме.

Не менее важным фактором для возникновения и развития законодательства как культурного явления и замены им элементов патриархально-правового регулирования (обычаев, обрядов и т. д.) на ранних этапах истории Римского государства было постепенное превращение Рима из города-республики в гигантскую по тем временам империю. Последнее привело не только к росту рабства, но и товарного производства, а в конечном счёте – к созданию самого сложного за всю историю древнего мира рыночного хозяйства, настоятельно требовавшего адекватной правовой регламентации [2].

Признание законодательства, а не обычая в качестве основной формы правотворчества (Греция) и источников права (Рим) предопределяло и сопровождалось кодификацией сложившихся в более архаичную эпоху законов и правовых обычаев. Такова древнейшая, согласно греческой традиции, кодификация права, проведённая Залевком в Локрах (Италия), а также кодификация Харонда в Катано (Сицилия). Подобные сборники составлялись и в других греческих городах-государствах, в том числе и в Афинах в конце VII в. до н. э. (Законы Драконта).

Одним из наиболее значимых дошедших до нас источников писаного римского права и результатом одной из первых кодификаций является Свод законов двенадцати таблиц (лат. *Leges duodecim tabularum*) 45–450 до н. э., вобравший в себя основные положения Законов Драконта и Солона. Но это лишь культурно-исторический артефакт, подтверждающий существование высокого развития римского законодательства для того далекого времени, не раскрывающий самой динамики и особенностей развития культуры римского права. Само по себе эволюционизирование законодательства как культурной формы образно зафиксировано в отрывочно дошедших до нас сведениях о развитии права и системы управления Солонем (Σόλων, между 640 и 635–около 559 до н. э.). Этот человек, причисленный ещё в период древности античной традицией к семи величайшим мудрецам, был замечен согражданами в период неудачно начавшейся для Афин и длящейся войны с соседним городом Мегарами за остров Саламин. Одержав блистательную победу, завоевав авторитет и будучи избранным архонтом (членом ареопага – коллегии высших должностных лиц древнегреческого полиса), Солон получил право создавать (давать, предлагать) законы, которые, после принятия их народным собранием, получали силу обязательности. Понимая сложившуюся социально-экономическую ситуацию того времени, Солон путём предложения и дальнейшей реализации законов проводит очень важную реформу, называемую Сисахфия. Суть её в отмене долгов за землю и вытекающего отсюда долгового рабства. Это позволило вернуть на родину проданных за

долги сограждан и фактически выделить граждан Афин как бы в отдельную гражданскую общину (в дальнейшем называемую *полисом*), – слой свободных людей, граждан, куда не входили «чужеземцы» и женщины. Важным фактором для развития товарообмена и гражданских отношений была осуществлённая Солоном дифференциация граждан не по знатности рода или наличию земли, но по имущественному цензу, основанному на размере вырабатываемого гражданином продукта [7, с. 201–220]. Выровняв таким образом граждан Афин в социально-политических правах, Солон укрепляет механизм поддержания их активной гражданской позиции и ответственности, для чего добивается и принятия закона, который нормативно закрепляет так называемую «атимию» (греч. *ἀτιμία*, «бесславию, презрение») – одно из тяжелейших наказаний для граждан Древних Афин, влекущее за собой лишение прав гражданского состояния, публичное бесчестие и презрение провинившегося. Атимии подвергались граждане, не желающие участвовать в политической жизни полиса. Такого рода положение способствовало проявлению, как теперь говорят, гражданской позиции и политической активности граждан, что не могло не сказаться на экономических, правовых отношениях и на культуре общества в целом.

Но созданная основа для активного развития гражданских отношений упиралась в достаточно неповоротливые, однообразные и нещадно карающие граждан существующие до этого законы Драконта, по которым, что за кражу луковиц на рынке, что за убийство предполагалось наказание в виде смерти. Солон и здесь проводит ощутимую дифференциацию, позволяющую не бояться развивать отношения в рамках оборота продукта нарождающейся частной собственностью [10].

В дальнейшем, с накоплением и развитием культуры начальной разработки, предложения и развития законодательства, совершенствуется и система работы над самим законодательством. Возникает необходимость его систематизации, или так называемой кодификации – упорядочивания текстов законов, нумерация их частей, разделение на главы, подглавы, параграфы и т. д. Как уже отмечалось, одним из первых дошедших до нас примеров указанной систематизации являются Законы Двенадцати таблиц – результат кодификации законов в Древнем Риме. Истоки их появления коренились в недовольстве плебеев патрициями из-за неясности действующего обычного права, что открывало возможность для всяких злоупотреблений со стороны знати, имеющей наибольший экономический и политический ресурсы, а значит, и большую возможность решения какого-либо спора в свою пользу. Поэтому было естественным, что первой потребностью плебеев было установить действующее право в форме ясных писаных законов. С этой целью ещё в 462 г. до н. э. плебейский трибун Терентий Арса внёс проект

о назначении комиссии для составления кодекса. Испытывая противодействие со стороны патрициев, работу над ним вели целых восемь лет [5, с. 372].

С установлением империи в Древнем Риме (27/30 г. до н. э. – 235 г. н. э.) законодательная деятельность народных собраний мало-помалу прекращается, а процедуры формирования законодательства осуществляются в других формах. Вместо народных собраний законодательным учреждением делается сенат, и рекомендации, постановления сената приобретают силу закона. Сама же инициатива сенатских постановлений постепенно сосредоточивается в руках императора. Вносимые им в сенат предложения всегда беспрекословно утверждаются. Всё менее и менее интенсивным и решительным делается в императорский период и правовое творчество преторской власти (государственных должностей в Древнем Риме – консулов и диктаторов). Фактическим прекращением активного преторского законотворчества стала работа известного юриста того времени, Сальвия Юлиана, пересмотревшего по заданию императора Адриана между 125 и 128 г. н. э. существующие до этого времени эдикты. Составленный им эдикт (известный как «эдикт Юлиана») после утверждения сенатом принял форму неизменяемого и юридически обязательного для преторов, так называемого «вечного эдикта» (*edictum perpetuum*). По замыслу власти, других эдиктов после его утверждения не должно уже было быть. Гораздо большее значение в этом периоде для развития права стали иметь императорские указы, носящие общее название *constitutiones principum* [5].

С половины III века система законотворчества в Древнем Риме быстро ухудшается. Она ограничивается, как правило, только компилятивной работой, в результате чего на основании выдержек из наиболее значимых и распространённых сочинений старых юристов и императорских указов, конституций создаются сборники. Последние предназначались для облегчения применения законодательства судьями, уже неспособными овладеть всей массой накопившихся правовых актов классической литературы. Падают качество и системы подготовки римских юристов.

Новым этапом развития законодательства как культурного явления Древнего Рима можно считать его содержание и особенности периода Византийской империи. Это государство оформилось в 395 г. после смерти императора Феодосия I вследствие Диоклетионово-Константиновской реформы и окончательного раздела Римской империи на западную и восточную части. Западная Римская империя прекратила существование после захвата Рима вестготами в 410 году и отречения от престола 4 сентября 476 года последнего западного римского императора Ромула Августа. Византия стала исторической, культурной и цивилизационной преемницей Древнего

Рима, просуществовав ещё на протяжении почти десяти столетий истории поздней Античности и Средневековья.

Качественно новый, завершённый уровень на этом этапе развития получило римское законодательство в связи с осуществлённой всеобъемлющей систематизацией римского права, проводимой в 528–534 гг. по указанию и под личным контролем со стороны византийского императора Юстиниана. В результате огромной и плодотворной работы с февраля 528 по апрель 529 года был составлен так называемый Кодекс или Свод Юстиниана, получивший в XII веке общее название *Corpus juris civilis*. Не вошедшие в него законодательные акты подлежали отмене. В результате кодификации Юстиниана римское право получило свою завершённую, законченную форму, избавившись от всего лишнего и устарелого и, по точному определению одного из исследователей, Римская империя теперь могла погибнуть: римское право было приведено в такое состояние, что могло пережить создавшее его государство [11, с. 153].

Особое значение в развитии как римского, так и всего существующего в настоящее время законодательства и права имеет так называемое церковное право.

Как считает подавляющее большинство исследователей, в качестве основной причины возникновения римского законодательства была потребность и необходимость регулирования отношений в сфере обмена продуктами производства (товаров, работ и услуг), то есть – имущества, собственности и их оборота. Вопрос же отношений, лежащих в рамках более «тонких» сфер, таких как семейные, политические, нравственные и тому подобные, изначально брала на себя церковь, стоящая на охране всеобщей – божественной нравственности, справедливости.

Отметим, что на ранних этапах развития любой церкви религиозные нормы и правила имели, как правило, характер нравственных предписаний, но в процессе развития различных концессий их роль и значение в законотворчестве менялась. Это было связано в первую очередь с местом и ролью церкви в социуме. До появления основных религий и завоевания ими своего места в политической жизни общества говорить о роли церкви в законотворчестве вряд ли представляется продуктивным. Процесс политизации религии и её роли в законотворческом процессе связан в первую очередь со становлением государства и наиболее ясно прослеживается на примере рассматриваемого нами предмета исследования.

История Древнего Рима тесно связана с религиозными образами, представленными несколькими формами и стадиями развития. Пройдя путь от язычества в форме мифологического преклонения греческим и этрусским богам, а в дальнейшем увлечения языческими культурами, религиозные представления под руководством государства, взявшего в дальнейшем на себя организацию и проведение ри-

туалов, приобрели форму официальной религии. Последнему способствовало, с одной стороны, образование и развитие жречества, необходимого для осуществления сложных обрядов. Жреческие коллегии, обладавшие огромной властью, пытались активно участвовать в борьбе за влияние на государственные дела. Как указывает Буше Леклерк в работе «Жречество в Древнем Риме», правительственные органы и должностные лица сами использовали жречество как одну из форм власти. Они периодически (в самых торжественных случаях) самостоятельно исполняя жреческие обязанности. Так, Полибий отмечал, что благочестие и пышность обрядов, выставляемых при этом напоказ, имели политическую цель. Точно так же думали позднее Цицерон, Гай Муций Сцевола, Монтеस्कье и другие.

В I в. нашей эры в Римской империи сложилась и стала быстро распространяться новая религия – христианство. Изначально христианство противопоставляло себя власти, но затем стало применять все меры для сближения с нею. В борьбе против широко распространённых в то время ересей формировавшаяся и укреплявшая свои позиции христианская церковь нередко находила себе союзницу именно в лице официальной власти. Основанием для этого была религиозно-философская концепция о роли римской империи как христианского, богоизбранного государства, вырабатываемая на протяжении достаточно долгого времени представителями церкви. Согласно её постулатам именно Римской империи было суждено как избранной Богом установить во всей Вселенной мир и порядок и принести народам, обитающим в ней, свет истинной веры [4, с. 13]. В результате этого процесса при императоре Константине в 312 г. христианство сначала было объявлено равноправным с другими религиями, а в 324 г. – господствующей религией. Вместе с тем, участие Церкви в государственно-политических делах Византии ограничивалось достаточно явно и бесцеремонно. Так, существовавшее с ветхозаветных времён право убежища Церкви, под которым понималась неприкосновенность лица, обратившегося в Церковь за защитой и считающего себя невиновным, незаконно или чрезмерно преследуемым, было ограничено в законе 392 г. императора Феодосия I, предписывающего брать недоимщиков по налогам из мест убежища. Император Аркадий в 397 г. прекратил действие права убежища для иудеев, а в 399 г. и вообще для всех. И только в 408, 431–432 гг. указанное право было восстановлено указами императора Феодосия II [1, с. 124], а также закреплено в законодательстве императора Юстиниана.

С первых веков своего существования Церкви приходилось иметь дело с нормами светского (римского) права, регламентировавшими, в частности, порядок заключения браков. Известно также, что с середины VI в. государственное законодательство стало обрабатываться систематизаторами церковного права. В этом была определённая целесо-

образность, связанная с сосредоточением среди церковных служителей достаточного количества образованных людей, а также представлением церковью идеологически-нравственной основы власти.

Развитие церковных учреждений, их функций и церковной юрисдикции вызывало потребность в сборниках, в которых бы находились церковные правила и наиболее нужные извлечения из светского права. Так возникают церковно-правовые сборники, называемые номоканонами, а соответственно – церковное законодательство [5, с. 234].

Византийское законодательство о делах церковных начинается в IV веке с эдикта Константина Великого. Работа над ним продолжается при Феодосии Великом и его преемниках и в особенности развивается при Юстиниане [3, с. 234]. Составление первого сборника церковных правил и императорских указов, касающихся церкви, – Номоканона (от греч. Νομοκανών – закон-правило), приписывается константинопольскому патриарху Иоанну III Схоластику (VI в.). В 739–741 годах при императоре Льве Исавре и его соправителе Константине Копрониме издана «Эклога», представляющая собой сокращённую переработку юстиниановых сборников. При Льве Философе (866–912 гг.) был составлен исправленный свод юстинианова права – «Базилики». В дальнейшем Номоканоны дополняются канонами позднейших соборов.

В Византии, как, впрочем, и ранее в Римской империи, никогда не существовало конституции в современном смысле этого слова. Но некоторые механизмы ограничения императорской власти и поддержания стабильности правовой системы имелись. Заметную роль в этом играла именно Церковь, её религиозно-нравственные учения и каноны (их называют даже «статьями неписаной конституции империи») [6, с. 150].

Таким образом, руководителями древнеримского государства прекрасно осознавалась роль как публичного, так и церковного права, ёмко обозначенная ещё Марком Туллем Цицероном (106–43 гг. до н. э.) в его знаменитых диалогах «О государстве» и «О законах» в качестве основы и определяющего начала государства. Одним же из первых «византийцев» российской истории права А. Энгельманом было точно подмечено, что христианство и его участие в законотворчестве образовали из государственного быта такой фундамент, на котором империя могла не только держаться самостоятельно, но и быть оплотом для других.

В заключение сделаем несколько выводов.

На примере Древнего Рима и Византии мы видим, как, эволюционно развиваясь в условиях благоприятных социально-экономических обстоятельств, возникал и совершенствовался механизм законотворчества, ставший впоследствии одним из основных

прототипов культурных форм законодательства, используемых передовыми странами современности.

Предложенный культурологический анализ демонстрирует, как история развития византийского законодательства вобрала в себя переплетение и взаимопроникновение, с одной стороны, обычных правил и норм товарного оборота, а с другой – нравственных воззрений, правил христианской церкви, что внесло в законодательство и правовые принципы приоритет (элемент) нравственной целесообразности.

Исследование выше приведённых фактов показывает, как проявлялся диалектический закон взаимосвязи количественных и качественных изменений на примере развития правовых норм, которые под влиянием ряда факторов приобрели форму законодательства как культурно-социального явления и обрели черты, отвечающие требованиям соответствующего времени. На частном, культурологическом уровне мы предлагаем называть это явление проявлением социального закона культурной совместимости и взаимосвязи.

Библиографический список

1. Гассе Ф. Р. Церковная история. – Казань, 1870. – Т. 1.
2. История государства и права зарубежных стран / под ред. О. А. Жидкова и Н. А. Крашенинниковой. – М. : НОРМА–ИНФРА. – Ч. I. – 1997.
3. Обзорение греко-римских законов в отношении к церкви // Журн. Мин. Н. Пр. – 1950. – Ч. LXV. – Отд. II.
4. Пенская Т. М., Пенской В. В. Формирование концепции «богоизбранного» государства в раннехристианской идеологии // Власть, общество и церковь в Византии. – Армавир, 2007.
5. Покровский И. А. История римского права. – М. : Статут, 2004.
6. Сюзюмов М. Я. Христианская церковь в IV–VI вв. // История Византии. – В 3 т. – М., 1967. – Т. 1.
7. Суриков И. Е. Законодательные реформы Драконта и Солона: религия, право и формирование афинской гражданской общины // Одиссей. Человек в истории. – М. : Наука, 2006.
8. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М. : МГУКИ, 2009.
1. См., например: Моммзен Т. История Рима. – Т. 1–5. – Спб., 1994–1995; Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира. – 1910; Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926; Salvioli G. Il capitalismo antico (storia dell'economia romana). – Bari, 1929; Ферреро Г. Величие и падение Рима. – Т. 1–5. – М., 1915–1923; и др.
9. См., например: Freeman K. The work and life of Solon. Cardiff. – L., 1926; Honn K. Solon. Staatsmann und Weiser. – Wien, 1948.
10. Sohm R. Institutionen. 14-te Aufl. – 1911.

РЕЦЕПЦИЯ РИМСКО-ВИЗАНТИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА РОССИЙСКОЙ ПОЧВЕ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

А. С. Страданченков

Национальный институт имени Екатерины Великой,
г. Москва, Россия

Summary. The article deals with socio-cultural aspects of the reception of the Roman-Byzantine law on Russian soil. The author outlines the parties to a, the main channels of the assimilation of the legislation (church and light-sky), as well as the peculiarities of this process and cultural events.

Key words: culture; legislation; Roman-Byzantine law; religious and socio-political (secular) channels reception; ecclesiastical law; Nomokanony; Sophia Paleologus.

Вопросам анализа и рецепции римско-византийского права посвящено достаточно много работ юристов, историков, политологов и т. д. Но само римско-византийское законодательство, а также процесс его усвоения и восприятия на российской почве представляют собой и культурное явление, анализу которого уделено недостаточное внимание. Восполнению этого пробела посвящена настоящая статья, рассматривающая указанный объект исследования с позиции философско-культурологического подхода. В нём делается акцент на проблеме субъекта деятельности, её исполнителя, на мотивации, организации и экстраутилитарной регуляции его участия в процессе, а также на изучении самого культурного явления и процесса на уровне социокультурных обобщений [4, с. 41].

Общепризнанным является факт, что римско-византийское законодательство как продукт человеческой деятельности попало на территорию Древней Руси в основном по двум каналам: по религиозному и светскому.

Религиозный канал был непосредственно связан с восприятием Русью христианства. Хотя отечественная церковная историография имеет не очень большую базу исторических исследований, но историю христианства в России и самой Русской церкви она рассматривает начиная с 1 века, непосредственно связывая это явление с деятельностью апостола Андрея Первозванного [1, с. 4]. Одним из широко известных сведений о «культурном» общении и сближении представителей русского народа с Византией и христианством являются так называемые события первого (*Фотиева, или Аскольдова*) крещения Руси в 866-м году.

Показательным в культурологическом смысле с точки зрения определения значимости субъектов истории – носителей христианской веры, а через неё и правовых норм Византии для Руси, является оценка, данная в пятом номере газеты «Современная летопись» за 1866 год, освещающей тысячелетие крещения Руси. В ней гово-

рилось, что без крещения Аскольда и Дира не крестилась бы святая равноапостольная княгиня Ольга; без крещения Ольги не последовало бы крещение Владимира, а без него – и крещения всей Руси.

Но своеобразным символом принятия Русью традиций хранительницы христианства стало событие, связанное со второй женитьбой Ивана III на византийской принцессе Софии Фоминичне Палеолог, она же *Зоя Палеологиня* (греч. Ζωή Σοφία Παλαιολογίνα, ок. 1455 – 7.04.1503). Не случайно, появление Софии на Руси и действия её и Василия III потомка Ивана IV (Иоанна Грозного) породило представления у ряда церковных мыслителей того времени о мессианском предназначении России. Это выразилось в создании теории «Москва – Третий Рим», первоначально сформулированной, по мнению историка В. С. Иконникова [3], в посланиях конца 1523 г. – начала 1524 г. старца псковского Елеазарова монастыря Филофея в адрес великого князя Василия III и дьяка Мисюря-Мунехина.

Наверняка не без участия указанных исторических личностей, а также множества безымянных людей, являющихся проводниками христианских идей на Руси, осуществлялось и непосредственное распространение передовых на то время правовых норм, выработанных византийской церковью. Это было логичным и естественным процессом, ведь для организации любого социального института, каким является и церковь, необходимы правила, соответствующие именно данной организации. Воспринимая православную церковь и перенимая её уклад, нормы, невозможно налаживать её работу по каким-либо другим или самостоятельно придуманным правилам. Поэтому естественным организационно-культурным процессом было то, что существующие в Византии церковно-правовые нормы в форме Номоканонов (греч. Νομοκανών – закон-правило) были заимствованы церковью для организации и руководства церковной жизнью на Руси. Известным фактом является то, что переведённый для болгарской церкви во второй половине XI века Номоканон вскоре стал распространяться в русских землях. В конце XIII века Номоканоны в русской интерпретации, будучи дополненными нормами светского права, получили название Кормчие книги (от церк. – слав. *кормчий*, ст. – слав. *кръмъчии* – *рулевой*). На церковном соборе во Владимире в 1274 г. митрополитом Кириллом было предложено для управления Церковью использовать в качестве руководства Кормчую книгу, переведённую с греческого языка на церковнославянский в Сербии. В дальнейшем разновидности Кормчих книг были сведены воедино для единообразного применения. Эта редакция в дальнейшем получила название софийской, или синодальной – *по месту обнаружения её в Софийском соборе Новгорода и дальнейшего хранения в московской Синодальной библиотеке*. В этой редакции уже были использованы и действующие в то время на Руси светско-правовые нормы из Русской правды, уставов князей

Владимира и Ярослава и др. И здесь уже проявляется тесная взаимосвязь и влияние двух институтов власти, – церковного и светского.

В связи с тем, что изначально именно церковь брала на себя решение так называемых «тонких» вопросов (*нравственные, семейные, наследственные и подобные отношения*), можно утверждать, что именно церковные законодательные нормы, имеющие нравственную и человеколюбивую направленность, внесли свой весомый вклад и в дело гуманизации, «демократизации» социальных отношений в целом. К близкому по культурному содержанию выводу пришли и американские учёные, отметив, что религиозные основания имеют не только первые десять поправок в конституции США (*"Билль о правах" 1791 года*), но и более широкие конституционные принципы, такие как свобода слова и равенство, связаны с ними [5]. Анализ указанной взаимосвязи в российском законодательстве ещё ждёт своего исследователя.

Общественно-политический канал рецепции римско-византийского законодательства также возник не на пустом месте. Одними из первых известных законодательных актов между Древней Русью и Византией, пожалуй, являются договоры, заключённые в 907, 911, 944, 971 годах. Они были связаны с военными походами, осуществляемыми русскими князьями (*Олегом, Игорем, Святославом Игоревичем*) на Византию. Эти документы, по сути, были первыми международными законами между нашими странами и в своём содержании освещали не только военные аспекты, но и другие вопросы взаимодействия сторон. Отсюда, вероятно, и интерес к римско-византийскому праву, возникший исходя из потребностей правителей Руси ослабить значение языческих, народных обычаев и установить более прагматично и рационально организованную систему управления. После перехода от этапа проживания вокруг возникающих в VII–IX вв. городов-государств к более крупному, государственному образованию, получившему в IX–XI веках название Киевская Русь, сформировались политическая и экономическая потребность централизованного, единообразного правового управления, а соответственно – необходимость создания и/или усвоения законодательства, соответствующего намеченному и выстраиваемому культурному уровню общества.

Как отмечают многие исследователи, в одном из первых существующих на Руси светских правовых сборников – Русская Правда (1019–1054 гг.), созданном на основе устного племенного права, присутствуют как светские, так и церковные законодательные нормы римско-византийского права. Примерно в одно время с распространением Номоканона (вторая половина XI в.) на Русь были занесены и получили здесь распространение византийская «Эклога» – сокращённая переработка юстиниановых сборников (под названием «Главизны премудрых и верных царей Леона и Константина») и

«Прохирон» – руководство по изучению законов (под названием «Градского закона»).

Активному развитию процесса заимствования римско-византийского права мешала сначала не завершившаяся эволюция городов-государств в единое государство, а в дальнейшем трёхсотлетнее нашествие татаро-монгольских завоевателей. И только с XIV века на базе уцелевших славянских городов-государств началось возрождение и дальнейшее развитие российской государственности [5, с. 107]. Этот процесс приобрёл в XVII веке определённо законченную форму в виде монархического государства – России. Не случайно, в отличие от Запада, где заимствование римского права было связано с традициями церкви в основном только на начальном этапе рецепции, в нашей стране до XVII–XVIII веков гражданские (светские) нормы римско-византийского права доходили в усечённом варианте и фактически только через церковный канал. Это объяснялось в первую очередь именно неразвитостью, нестабильностью государственных институтов. А коль церковь отдавала приоритет в основном вопросам публично-нравственного характера (*семейственным, уголовным, наследственным и т. д.*), то естественным было фактическое отсутствие переводов и распространения законодательных норм, касающихся основных институтов гражданского права (*в первую очередь вещного и обязательственного*).

Указанные особенности культурного восприятия (рецепции) норм римско-византийского права выражались и в том, что даже в первом русском нормативно-правовом акте – Соборном уложении 1649 года, которое являлось сводом законов Московского государства и охватывало все правовые нормы на Руси, многие статьи были заимствованы из византийского права, а именно из Градского закона (Прохирона). Указанное Соборное уложение было принято на Земском соборе в 1649 году. Оно действовало вплоть до изданного в 1832 году и введённого в действие Манифестом российского императора Николая I в 1833 году первого тома «Свода законов Российской империи», который представлял собой результат кодификации законов Российской империи.

Систематизация законодательства начала XIX века была обусловлена осознанием необходимости упорядочения системы государственного управления, предполагающего неукоснительное исполнение законов, имеющих свою чёткую иерархию. Но для этого нужны были подготовленные специалисты. В Западной Европе исследование римского права осуществлялось так называемыми глоссаторами, а занятия в учебных заведениях по нему начали проводиться достаточно давно (в Италии в XII веке, во Франции в XVI веке и т. д.). Программы подготовки юристов в российских университетах стали включать изучение римско-византийских источников только в первой половине XIX века (при Александре I и Николае I). И только в

последние десятилетия XIX в. заявляет о себе особое научное направление – русская школа изучения римского права, внесшая в дальнейшем весомый вклад в изучение истории и системы римско-византийского права. В настоящее время изучение римского права и римско-византийских источников стало неотъемлемым элементом культуры обучения и воспитания российских юристов.

Предложенный культурологический анализ демонстрирует, как непросто проникали на русскую землю образцы прогрессивных культурных форм римско-византийского законодательства, вобравшего в себя, с одной стороны, обычные правила и нормы товарного оборота, а с другой – нравственные воззрения, правила христианской церкви, что внесло в законодательство и правовые принципы приоритет (элемент) нравственной целесообразности.

Исследование вышеприведённых фактов показывает, как на примере развития правовых норм, которые под влиянием ряда факторов приобрели в конкретно анализируемом случае форму конкретного законодательства как культурно-социального явления, а также обрели черты, отвечающие требованиям соответствующего времени, проявлялся диалектический закон взаимосвязи количественных и качественных изменений. На частном, культурологическом уровне мы предлагаем называть это явление проявлением социального закона культурной совместимости и взаимосвязи.

Библиографический список

1. Голубинский Е. История Русской Церкви. – М., 1901. – Том I (репринт.2002).
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права. – 3-е изд. – М. : Юриспруденция, 2000.
3. Иконников В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. – Киев, 1869.
4. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. – М., 2009. – С. 41.
5. Patterson Dennis. Constitutional Law and Religion // Philosophy of law e-Journal. – 2011. – Vol. 4. – N. 8. – Dec. 14.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА» И «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА»

А. М. Мясоедов

Витебский государственный медицинский университет,
г. Витебск, Беларусь

Summary. In the article, the author correlates the notions of «professional subculture» and «professional culture» on the comparative and structural-functional methods; he determines the place and role of the latter in the structure of professional subculture.

Key words: professional subculture; professional culture; structure; levels; function.

В научной литературе нет однозначного и чёткого определения понятий «профессиональная субкультура» и «профессиональная культура», отсутствуют работы, посвящённые соотношению этих понятий, в то время как их, по нашему мнению, необходимо различать. Полагаем, что профессиональная субкультура – это особая культурная подсистема внутри базовой культуры общества, имеющая собственную систему мировоззрения, идеалов, ценностей, образцов, норм, традиций, обычаев, символов, форм поведения, ритуалов, мифов, концентрирующихся, в основном, вокруг, по поводу и в целях организации определённого вида профессиональной деятельности. Профессиональная субкультура – это культура определённой социальной группы, которая на основе специфики своей профессиональной деятельности может образовывать формальные/неформальные, относительно закрытые/открытые сообщества. В свою очередь, профессиональная культура – это модель поведения представителей определённой профессии, ориентирующая их на достижение идеала трудовой деятельности, способствующая реализации человека как профессионала посредством системы ценностей, знаний, умений, навыков, личностных качеств, норм, традиций, символов. Профессиональная субкультура шире, чем профессиональная культура, что определяется их содержанием и структурой.

Профессиональная субкультура включает в себя следующие компоненты:

- 1) субъекты профессиональной субкультуры, носителями которой могут выступать как общности людей, так и отдельная личность, реализующая себя в системе предметно-практической деятельности;
- 2) объекты профессионального воздействия (к примеру, пациенты, учащиеся), то есть представителей данной профессиональной субкультуры;

3) профессиональную культуру, включающую в себя систему знаний, ценностей, традиций, обычаев, норм, технологий, моделей, идеалов профессионального поведения;

4) межличностные отношения, возникающие в ходе самореализации профессионала;

5) профессиональные институты, созданные с целью организации, координирования, контроля профессиональной деятельности, трансляции и передачи профессионально значимой информации;

6) условия и требования выполнения работы;

7) саму профессиональную деятельность и её результаты.

Все эти составляющие в совокупности образуют пространство профессиональной субкультуры, которое имеет временную характеристику, существуя в конкретный исторический период, определяющий специфику профессиональной субкультуры.

Таким образом, мы считаем, что профессиональная культура – важнейший структурный элемент и одновременно – необходимая и даже определяющая составная часть в системе профессиональной субкультуры, поскольку она направляет и координирует профессиональную деятельность её представителей. Она оказывает влияние на все другие компоненты профессиональной субкультуры, определяет взаимосвязь между ними.

В свою очередь, профессиональная культура сама состоит из ряда компонентов. К примеру, И. М. Модель, рассматривая структуру профессиональной культуры, выделяет в ней две стороны: праксеологическую и ментальную: «Первая характеризует способ взаимодействия субъекта с орудиями и предметами труда, а также степень его готовности к конкретному виду деятельности. В её составе выделяются профессиональные знания, навыки и умения, в том числе профессиональное мышление. Вторая сторона выступает интегральной характеристикой сознания и самосознания субъекта профессиональной культуры, нравственно-мировоззренческих и эстетических предпосылок деятельности» [2, с. 11]. В свою очередь, П. А. Амбарова выделяет в профессиональной культуре три взаимосвязанных блока: когнитивно-познавательный, праксеологический и блок поведения. Когнитивно-познавательный блок создаётся как профессиональными знаниями, умениями, навыками, составляющими основу профессионализма, так и профессиональными ценностями, которые и создают смысловое ядро профессиональной субкультуры. Практиологический блок – это профессиональные институты, в основе функционирования которых лежат нормы профессиональной деятельности, её обычаи, традиции, ритуалы. В своей совокупности эти три блока определяют «лицо» не только той или иной профессиональной культуры, но и субкультуры [1, с. 14].

Полагаем, что в структуре профессиональной культуры как системе следует выделять следующие блоки : а) гносеологический (ко-

гнитивный), базирующийся на системе общих и профессиональных знаний, культуре профессионального мышления; б) организационно-практикологический, включающий практические профессиональные умения и навыки; в) коммуникативный, требующий высокой коммуникативной культуры – наличия навыков и умений, необходимых для профессионального общения; г) информационный, предполагающий взаимодействие всех субъектов профессиональной системы на основе обмена информацией; д) нормативно-регулирующий, в который входят нормы, образцы, программы поведения, направляющие и упорядочивающие деятельность, поведение и отношения субъектов профессиональной субкультуры; е) аксиологический – общечеловеческие и профессиональные ценности, идеалы, традиции, обычаи, профессиональные качества, символы, мифы.

Необходимо отметить, что, поскольку профессиональная культура выступает необходимой характеристикой профессиональной субкультуры, то все компоненты профессиональной культуры наполняют пространство профессиональной субкультуры.

Профессиональная культура и профессиональная субкультура различаются по своему предназначению. Роль профессиональной субкультуры – посредством выполнения определённого вида труда стремиться принести обществу пользу, сделать жизнь лучше и качественнее, тогда как основная функция профессиональной культуры – методологическая, т. е. чёткая организация и реализация профессиональной деятельности. Профессиональная культура выступает как способ и, одновременно, оценка профессиональной деятельности, задаёт определённый уровень реализации этой деятельности и выступает в качестве средства его достижения, способствует становлению профессионализма личности, выработке у представителя профессиональной субкультуры профессионального мышления и системы ценностных ориентаций. Иначе говоря, профессиональная культура формирует профессиональное сознание.

Значимость профессиональной культуры в рамках профессиональной субкультуры проявляется во множественности её функций, среди которых идентификационная, адаптационная, интегрирующая, функция социализации и инкультурации, смыслополагающая, ориентационная, информационно-коммуникативная, трансляционная, идеологическая, компенсаторная, регулятивная, аксиологическая. Их содержание определяется, прежде всего, спецификой конкретной профессиональной деятельности.

Профессиональная культура и профессиональная субкультура различаются особенностями их проявления. Так, каждый специалист, владеющий профессиональной культурой, относится к профессиональной субкультуре, однако не каждый человек, входящий в профессиональную субкультуру, может освоить профессиональную культуру и стать профессионалом. Многие люди, отработав долгие годы на од-

ной и той же работе, остаются на начальной ступени профессиональной лестницы, в связи с чем в профессиональной субкультуре возможно выделение различных уровней владения профессией. Правоммерно выделять два уровня профессиональной культуры: групповой (специфическая культура профессионального сообщества) и индивидуальный, который проявляется в сознании отдельных её представителей, что также свидетельствует о большей широте профессиональной субкультуры по сравнению с культурой профессиональной. Иначе говоря, профессиональная культура – это всего лишь одна из составляющих профессиональной субкультуры, имеющая, однако, ключевое значение в существовании всей профессиональной деятельности.

Итак, в профессиональной субкультуре необходимо выделить феномен профессиональной культуры. Профессиональная субкультура шире понятия профессиональной культуры, выступающей ядром профессиональной субкультуры, её системообразующим компонентом. Профессиональная культура – это средство достижения профессионализма, методология становления профессионала, поскольку она создаёт конкретные модели, технологии для достижения оптимальных результатов трудовой деятельности.

Библиографический список

1. Амбарова П. А. Профессиональная культура офицеров российской армии в условиях трансформации российского общества (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Екатеринбург : Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького, 2002. – 22 с.
2. Модель И. М., Модель Б. С. Профессиональная культура предпринимателя // Социологические исследования. – 1997. – № 10. – С. 8–16.

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ВИДЕОРЯДА НА ИГРУ ДО ШКОЛЬНИКОВ

Н. В. Ушакова

Детский сад № 712, г. Москва, Россия

Summary. Watching serial cartoons by little child accelerates starting of story game, but then slow down both the development of story game and the formation of arbitrary mental processes in the pre-school age.

Key words: children of early age; story game; serial cartoons.

Игра – ведущая деятельность в дошкольном возрасте. И от того, как полноценно ребёнок сможет играть в дошкольные годы, зависит не только успешность обучения в школе, но и дальнейшая социализация во взрослой жизни.

Педагоги и родители давно признают ценность игры и её позитивное влияние на ребёнка. Самостоятельная одиночная и коллектив-

ная игровая деятельность всячески поощряется воспитателями и родителями. Ребёнок, умеющий занять себя и сверстников игрой, продуктивными видами деятельности, считается социально успешным.

Для современных детей одним из способов развития игровой деятельности становится не только общение с компетентным взрослым и ознакомление с социальной действительностью, но и просмотр детских видео-сюжетов. Уже раннем возрасте взрослые приносят в мир малыша детские мультипликационные сериалы «Лунтик», «Смешарики» – для переключения его внимания с общения на яркие анимационные образы. Чаще всего взрослый освобождает время на ведение домашнего хозяйства или отдыха. Насыщенный аудио и видео ряд всецело захватывает ребёнка. Он выключается из общения и полностью поглощается яркими телевизионными эффектами. Не встречая такой зрелищности в повседневной жизни, ребёнок начинает играть в мультипликационных персонажей, что естественным образом стимулирует развитие сюжетной игры. От сюжетов с единственным персонажем и чётким обозначением мультипликационной ситуации к пяти годам дети переходят к сюжетам, где заданы отношения между видео-героями. Родители, как правило, подкрепляют просмотр мультсериалов покупкой игрушечных персонажей, что стремительно выводит малыша на уровень сюжетной игры. Ребёнок занимает себя какое-то время, что несомненно радует родителей. Мультипликационные герои становятся стержнем копирования сюжетов в игру, помогают наладить отношения со сверстниками, просматривающими тот же сериал.

В игре по мотивам мультсериалов ребёнок отходит от логики жизни и отношений, заменяя её логикой выдуманного мира мультипликационного героя. Т. Н. Доронова считает, что «психологическое содержание игры представляет собой моделирование социальных и межличностных отношений и жизненных событий к ситуации» [2, с. 12]. Принимая на себя роль героя мультфильма, ребёнок обогащает свою субъектность свойствами мультипликационного персонажа, а не близких людей, что не даёт ему возможности полностью раскрыть самосознание и специфику общения. В игре с мультипликационными героями ребёнок копирует сюжеты, усваивая стандарты авторского видения социального стандарта поведения и взаимоотношений. В исследованиях Л. В. Артемовой отмечено, что «влияние взрослых на формирование общественной направленности детей в игре опосредуется нравственным содержанием игры и правилами общественного поведения» [1, с. 55]. Мультсериалы формируют определённое социальное отношение к действительности, подкрепляют или приносят определённые поведенческие реакции. Например, наделяют ребёнка излишней активностью и раскрепощённостью, наивностью или авторской рассудительностью. Развивающие серийные мультфильмы предоставляют готовые шаблоны поведения. К примеру, учат знакомиться, решать конфликты, вести себя на приеме у врача. При этом закрепощают игровое

и реальное поведение, сужают горизонт видения ситуации и своего места в ней. Ребёнок так заигрывается ролью, что невпопад ведёт себя и отвечает взрослым яркими фразами, часто не выстраивает ситуацию общения и поведения. Роль движет игрой и поведением.

По мнению С. Л. Новоселовой, «Игра фактически является своеобразной формой практического размышления ребёнка об окружающей действительности. В игре ребёнок как бы экспериментирует с той информацией, которой располагает, он использует и преобразует, поясняет и обозначает те знания, которые получает вне игры» [3, с. 7]. Привычка к подаче готового видения приводит к тому, что реальная жизнь и игра не становится для маленького ребёнка объектом размышления о действительности. Он часто действует во взаимоотношениях с детьми и взрослыми как привлекательный персонаж. Выученные фразы и действия не способствуют приобретению опыта общения, фразы употребляются по ситуации и невпопад, не учат ребёнка выстраивать диалог и слышать собеседника. Сценическая игра героя превращается в игру реального ребёнка.

Яркие образы тормозят не только процесс формирования личности, но и обучения. Ребёнок уходит в игровое поведение привлекательного персонажа, не может сосредоточиться на образовательном материале, ждёт ярчайших анимационных эффектов. Активное включение у маленьких детей происходит при введении знакомого анимационного видеоряда (игрушечные персонажи, книги для малышей с иллюстрацией мультипликационных персонажей, развивающие игры на iPad или компьютере). При этом у ребёнка «западает» простая человеческая функция – общение и социально ожидаемое поведение. В группе такие дети оторваны либо оторваны от сверстников и в одиночку разговаривают на непонятном языке, неестественно двигаются с атрибутом любимого сериала, либо кучкуются небольшими группами смотрящих общий мультсериал.

В целом можно отметить, что просмотр серийных мультфильмов ускоряет появление сюжетной игры у маленьких детей, но в дальнейшем тормозит как развитие самой сюжетной игры, так и формирование произвольных психических процессов в дошкольном возрасте.

Библиографический список

1. Артемова Л. В. Содержание игры как средство формирования общественной направленности детей дошкольного возраста // Педагогические и психологические проблемы руководства игрой дошкольника: сб. научн. трудов. – М. : НИИ общей педагогики АПН СССР, 1979. – С. 47–55.
2. Доронова Т. Н., Карабанова О. А., Соловьева Е. В. Игра в дошкольном возрасте : пособие для воспитателей детских садов. – М. : Издательский дом «Воспитание дошкольника», 2002. – 128 с.

3. Новоселова С. Л. Система «Модуль-игра». Новая развивающая предметно-игровая среда для дошкольников и педагогическая технология ее использования. – М. : Общерос. обществ. фонд «Социальное развитие России», 2004. – 40 с.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР В ПСИХОЛОГИИ

С. В. Ярыгин
Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, Россия

Summary. The topicality of using specialized computer games is considered in the article. The results of studying the effect of different forms of motivation on the effectiveness of computer gaming psychological testing are delivered. Advantages of using psychological computer games are reviewed.

Key words: efficiency of computer gaming psychological testing; gaming motivation; specialized computer games.

Индивидуально-личностные особенности могут диагностироваться по их внешним, отчётливо регистрируемым проявлениям. Очевидно, что выполнение требований валидности и надёжности возможно лишь при условии предварительных теоретических представлений о содержании диагностируемых индивидуально-личностных особенностей, а также об их типичных проявлениях в поведении и деятельности [1]. Предъявление заданий (стимулов) испытуемым в компьютерном варианте позволяет избежать в диагностической практике целого ряда погрешностей, которых с точки зрения психометрических требований не должно быть [4]. Предъявление диагностических заданий, инструктирование испытуемых, регистрация их ответов, осуществляемые программно-аппаратно, позволяют устранить или снизить до минимума подобные погрешности.

Одно из перспективных направлений – разработка игр, моделирующих профессиональную ситуацию поведения эксперта в какой-либо области с целью «извлечения» из эксперта знаний. Преимущества компьютерной психологической диагностики здесь заключаются не только в «красивом и интересном» оформлении, но и в том, что знания «извлекаются» из эксперта без личных усилий с его стороны [5]. Зачастую индивид на вопросы теста даёт социально желательные ответы. Часто в тест включаются вопросы, оценивающие искренность испытуемого и выявляющие его склонность давать недостоверные ответы. Однако шкалы лжи с большой достоверностью определяют не степень лживости тестируемого, а уровень его интеллекта, в том числе умение определить требуемый ответ [2]. Преимущество использова-

ния специализированных компьютерных игр в психологической диагностике заключается в минимизации или полном отсутствии феномена социальной желательности за счёт «погружения» испытуемого в игровую ситуацию и отстранения от целей исследования в целом [3].

Одним из главных факторов успешности проведения психодиагностического обследования личности является мотивационный стимул для испытуемого, добиться которого во многих случаях весьма непросто. Важное преимущество игровой деятельности состоит в том, что она способна формировать мотивационный компонент в своём процессе [2]. Именно поэтому анализ принятых в процессе игры решений и дальнейшее корректирование игрового процесса может позволить добиться наиболее точных психодиагностических данных.

Библиографический список

1. Корниенко П. А. Компьютерная игра как метод диагностики индивидуальных особенностей саморегуляции // Психологическая наука и образование. – 2008. – № 5.
2. Мясников И. Н. Возможность применения компьютерных игр в качестве проективного метода исследования личности. – 2006. // URL: http://flogiston.ru/articles/netpsy/projective_games.
3. Gintis H. The bounds of reason: Game theory and the unification of the behavioral sciences. – N. J. : Princeton University Press. – 2009.
4. Ketelaar T. EMOTLAB: Software for studying emotional signaling in economic bargaining games / Preston B., Russell D., Davis M., Strosser G. // Behavior Research Methods. – 2007. – № 39. – P. 959–972.
5. McPherson, J., Burns N. R. Assessing the validity of computer-game-like tests of processing speed and working memory // Behavior Research Methods. – 2008. – № 40. – P. 969–981.

ЛЕГИТИМИЗАЦИЯ ДОБРАЧНОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ПОЛОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ

С. Ю. Девярых

Витебский государственный медицинский университет,
г. Витебск, Беларусь

Summary. Legitimization of premarital sexual relations testifies about failures in the mechanism of social translation of a family way of life from one generation to another. In the course of sexual socialization it acts as the factor defining the orientations of the young men in sphere of the mutual relation of sexes.

Key words: Sexual socialization; sexual relations; the youth; premarital sexual relations.

Традиционная буржуазная половая мораль определяла добрачное целомудрие как высокую социальную ценность. Но если по

отношению к женщинам эта норма была предельно однозначной, то по отношению к мужчинам она заключала в себе определённо выраженную двойственность: на словах утверждая, а на практике смиряясь с добрачной сексуальной активностью мужчин. Сексуальная искушённость мужчины до брака негласно предполагалась и даже поощрялась культурными стандартами XIX века. Вместе с тем широкое общественное мнение нередко связывает добрачное сексуальное поведение молодых людей с их личностной или поведенческой девиантностью, что нашло своё отражение, в числе прочего, в художественной литературе (к примеру, в романе М. Агеева «Роман с кокаином»). Отголоском этого стало постулирование взаимосвязи девиантного и сексуального поведения в подростковом и юношеском возрасте. Причём такая постановка вопроса характерна для отдельных исследований в рамках как зарубежных, так и отечественных научных школ.

R. Jessor, & S. L. Jessor [7] рассматривали добрачное сексуальное поведение юношей и девушек в рамках созданной ими общей теории проблемного поведения, как проблемное поведение, подобное пьянству, наркомании или протестному поведению, и пришли к выводу о «сцепленности» проблемных поведений, выражающейся в существовании тесной связи между временем появления одного поведения и временем начала другого.

Анализу были подвергнуты два блока переменных, детерминирующих возникновение и развитие проблемного поведения. С одной стороны, это факторы макросреды, с другой – влияние социализации, то есть, факторы микросреды. Авторы приходят к выводу о том, что эти две группы факторов действуют на проблемное поведение двумя путями: непосредственно, создавая условия, и опосредованно, через систему двух социально-психологических переменных, одна из которых представляет собой структуру личности (авторы выделяют мотивационную структуру, структуру аттитюдов и структуру личного контроля), а другая – индивидуальное восприятие условий микросреды (восприятие родительского поведения, восприятие поведения сверстников, самооценка восприятия собственного поведения ближайшим окружением, восприятие моделей поведения значимых других, а так же степень согласованности всех этих элементов между собой).

В исследованиях M. Newcomb & P. M. Bentler [9] было установлено, что сексуальное поведение подростков непосредственно зависит только от того, насколько важное и какое именно субъективное значение свиданиям и сексуальной жизни придаётся, какие субъективные потребности они удовлетворяют. При этом высокая сексуальная активность подростка позволяет прогнозировать его вовлечённость в девиантную социальную среду и в сексуально-активное окружение, причём обе эти среды взаимосвязаны.

Авторы обнаружили, что принадлежность подростка к сексуально-активной среде и к девиантному социальному окружению не

позволяет предсказать его сексуального поведения, тогда как последнее позволяет предсказать его субкультурную принадлежность, а это значит, что подростки выбирают ту среду общения, которое соответствует избранному ими поведению и подкрепляет его. Таким образом, неременная связь девиантного поведения и сексуально-активного поведения в юности оказывается проблематичной.

На протяжении последних тридцати лет в США, Западной Европе и нашей стране фиксируется положительная динамика внебрачных рождений, что даёт право говорить об ослаблении норм, направленных против рождения внебрачных детей. Современное общество, по мысли J. R. Kahn & K. E. Anderson [8], во всё возрастающей степени рассматривает внебрачные рождения как нормативное явление. Полагаем, что можно говорить о существенном нарушении социального механизма, обеспечивающего примат семейного образа жизни, а поскольку ограничения на внебрачную сексуальность оказываются снятыми, они оказываются снятыми и по отношению к подростковой сексуальности: теперь у общества нет достаточно надёжного механизма, удерживающего подростков от добрачного сексуального экспериментирования с партнёром.

К примеру, в США уже в начале 1990-х годов более чем у 10 % девушек в возрасте от 13 до 19 лет ежегодно наступала беременность, а от 60 до 70 % юношей и от 40 до 50 % девушек в этом же возрасте вели активную сексуальную жизнь [2]. Сходные тенденции наблюдаются и в странах Западной Европы [10]. В России доля внебрачных рождений в возрастной группе 15–19 летних является одной из самых высоких в Европе, а в последние годы – вообще максимальной среди всех возрастных групп; за последнюю четверть века выросла с 18,7 % в 1980 году до 43,1 % в 2001 году [6].

Как отмечает С. И. Голод [3], за три десятилетия с 1965 по 1995 годы доля имевших добрачный сексуальный опыт студенток Ленинграда/Санкт-Петербурга более чем удвоилась (с 38 до 80 %). Среди студентов эта доля не изменилась, однако произошло снижение возраста первого сексуального контакта. В 1965 году доля юношей, вступивших в первый сексуальный контакт в возрасте до 16 лет, была равна 5,3 %. В 1995 году она составила уже 12,2 %. По данным Н. В. Аленичевой и М. В. Медкова [1], в 2000 году средний возраст сексуального дебюта у юношей-студентов МГУ составил 15,3 года, а у девушек – 16,0 лет.

Исследователи отмечают [5], что в подростковой среде широко бытуют определённого рода мифы о «неполноценности», «невезучести» девственников, представлений о том, что девственность – признак детскости, половой неграмотности человека. Можно говорить о том, что в сознании молодых людей произошла «отмена» традиционной нормы девственности по отношению к вступающим в брак. Примечательно, что и в научно-медицинской литературе сексуальная ис-

кушённость лиц старшего юношеского возраста, не состоящих в браке, уже рассматривается как «условная социальная норма» [4]. Таким образом, сообщество подростков, при явном безразличии взрослых, подталкивает своих членов к сексуальной активности, возводя сексуальную искушённость в ранг возрастной групповой ценности.

Библиографический список

1. Аленичева В. Н., Медков М. В. Особенности сексуального поведения молодёжи (по данным опроса студентов МГУ) // Материалы Международной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов». – Вып. 6. – М. : МГУ, 2001. – С. 324.
2. Бечки Ш. Молодёжь и помощь несовершеннолетним в США (Общественные условия, учреждения и организации). Попытка структурного анализа / пер. с нем. – М. : Институт молодёжи, 1991. – 234 с.
3. Голод С. И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. – М. : Ладомир, 2005. – 233 с.
4. Дерягин Г. Б. Феномен поздней девственности // Социальные и клинические проблемы сексологии и сексопатологии: международная научно-практическая конференция – М. : Федеральный научно-методический центр сексологии и сексопатологии, 2003. – С. 33–39.
5. Ивченкова Н. П., Ефимова А. В., Анкузина О. П. Установки подростков по отношению к началу половой жизни // Вопросы психологии. – 2000. – № 2. – С. 49 – 57.
6. Население России. Девятый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. – М. : Ин-т народного хозяйств. прогнозир. РАН, Центр демограф. и эколог. человека, 2002. – 144 с.
7. Jessor R., Jessor S. L. Problem behavior and psychosocial development: a longitudinal study of youth. – N-Y. : Academic Press, 1977. – 281 s.
8. Kahn J. R., Anderson K. E. Intergeneration Patterns of Teenage Fertility // Demography. – 1992. – № 1. – P. 39–57.
9. Newcomb M. D., Bentler P. M. Substance use and abuse among children and teenagers // American Psychology. – 1989. – № 44. – P. 242–248.
10. Starke K., Friedrich W. Liebe und Sexualität bis 30. – Berlin : D. V. der Wiss, 1984. – 355 p.

III. ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ, КУЛЬТУРНЫХ И ПРИРОДНЫХ ФАКТОРОВ

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

А. Г. Перевалова

Институт социальных наук Иркутского государственного
университета, г. Иркутск, Россия

Summary. In his article, I would like to consider becoming a person in today's social reality and its influence on personality. I believe that the process of socialization and self-realization process is largely dependent on its creativity, communication, development of self-consciousness.

Key words: social reality; person; personality; self-consciousness.

На сегодняшний момент актуальными проблемами можно считать: проблемы человеческой уникальности, индивидуальности и идентичности, потому что в современном обществе массовое и стандартное производство образа жизни большинства людей способны затмить собой творческое, индивидуальное, неповторимое в каждом человеке. И в своей статье я бы хотела рассмотреть становление личности в современной социальной реальности и влияние этой реальности на личность.

Я считаю, что процесс социализации и процесс самореализации личности в большей степени зависит от её творческой деятельности, коммуникативности, развитости самосознания.

Но для начала нужно понять, что же такое социальная реальность и личность.

Социальная реальность – это совокупность условий общественной жизни, которые выступают перед членами общества как надындивидуальные, объективно данные обстоятельства их существования. Социальная реальность складывается из множества разнородных, но взаимосвязанных явлений.

Личность – это человек, свободно, самостоятельно и ответственно определяющий своё место в жизни, в обществе, в культуре. Поэтому личность есть целиком социокультурное образование.

Таким образом, на мой взгляд, становление личности в социальной реальности происходит следующим образом, Рождаясь, младенец не обладает социальными качествами, но уже с первых минут жизни его приобщают к человеческому обществу. Взрослея, малыш начинает развиваться, он постепенно включается в различные общности людей, начиная с семьи, сверстников, и оканчивая социальным классом, нацией, народом. Полученные навыки и каче-

ства можно назвать социализацией, в процессе её человек осваивает знания, нормы, ценности, принятые в той или иной общности людей. Формирование человека как личности требует от общества постоянного и сознательно организуемого совершенствования системы общественного воспитания, преодоления застойных, традиционных, стихийно сложившихся форм.

Место человека в социальной реальности может быть задано, предписано ему, но так же место человека в социальной реальности может быть выбрано, найдено, завоёвано им самим, по его собственной воле и свободному, осознанному выбору.

Я думаю, нельзя считать, что под воздействием социальной среды происходит унификация представителей, что все они становятся одинаковыми. Каждая личность имеет свои специфические черты, отличающие её, это можно доказать тем, что мы все выбираем разные пути в жизни, но в реальности мы всё чаще и чаще хотим быть на кого похожими. В этих процессах нельзя терять свои собственные качества и достоинства.

Социальная среда – конкретные общественные отношения, традиции, нравственные и правовые устои, при которых рождается и живёт человек.

На сегодняшний день в обществе сложилась следующая ситуация: именно систематические и однообразные реакции других людей формируют и фиксируют шаблоны поведения индивида. Формы поведения, которые дают человеку возможность успешно приспособиться к существующим условиям жизни, сохраняются, чтобы стать частью его ориентации по отношению к миру.

Ведь изначально появляющийся на свет индивид имеет лишь натуральные психические функции, постепенно, посредством вхождения в общество социализируется, т. е. становится личностью. При этом социокультурная среда является как бы источником, питающим развитие личности, прививает ему общественные нормы, ценности, роли и т. д. И наконец, личность, которая сама начинает воздействовать на общество, является индивидуальностью.

Вхождение индивида в социальную среду и становление его там как личности, можно назвать "выживанием" или адаптацией. Ведь именно в этот момент человек может стать господином или рабом в жизни. И всё же занять позицию в отношениях с другими невозможно раз и навсегда. В каждой точке существования вновь и вновь возникает необходимость свободного и самостоятельного выбора, неизбежность принятия на себя ответственности за свои действия перед другими и самим собой. А потому личность – это не раз и навсегда сформированное качество, состояние, структура или уровень. Личность – это способ действий, образ бытия. Следовательно, человек каждый раз должен утверждать себя как личность, он дол-

жен выбирать и отстаивать собственные позиции, начиная со школьного возраста и до глубокой старости.

СОЦИАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РЕАЛЬНОЕ И ВОЗМОЖНОЕ

А. Д. Сергеева

Московский гуманитарный педагогический институт,
г. Москва, Россия

Summary. Progress of society is of importance in all aspects of human life. Not long ago appears a new concept “socio-civility”. The article considers periods of socio-civility developments and the matter of socio-civility in our life today.

Key words: socio-civility; social capability; socio-civility disagreement; social relationship.

В наше время особо обостряется вопрос развития культурной стороны современного общества. Поскольку развитие социума играет ведущую роль практически во всех областях жизнедеятельности человека, в процессе исторического развития появляется своего рода интегрированное понятие социальной и культурной направленности – социокультурность.

«Социокультурность» может рассматриваться как фундаментальное понятие или научная категория потому, что является основой для разработки множества других, связанных с ней, но менее абстрактных понятий. Предполагается, что социокультурные процессы, социокультурные факторы, социокультурные явления и т. п. должны раскрывать проявления социокультурного, т. е. исходить из паритетности культуры и социальности, их несводимости и невыводимости друг из друга [5; 6].

Понятие «социокультурность» прошло долгий путь:

1 этап (конец XVIII в. – конец XX в.). Социокультурное осознавалось лишь как следствие исторического развития общества, как его продукт. Человек выступает как творец культурного мира, но не как его продукт, результат самой культуры;

2 этап (вторая половина XX в.). Активная роль культуры начинает всё более фиксироваться общественным сознанием и привлекает к себе внимание специалистов различных отраслей социально-гуманитарного знания. Однако принципиально новое понимание места и роли культуры в функционировании и развитии социума формируется не одноактно [2].

Культура и социальные отношения – две категории развития человеческой деятельности, однако в обществе постоянно возникает

конфликт между содержанием социальных отношений и культурой – социокультурные разногласия.

Для общества необходимы такие социальные отношения, которые не нарушали бы гармоничное развитие и существование общества. В то время как культура представляет собой нечто специфическое, дающее оценку любому происходящему, отталкиваясь от некоего идеала, зачастую не всегда реального.

Человек обладает рядом особых социально важных способностей, которые необходимы для построения его социальных отношений.

Социальные способности – приобретаемые свойства личности, отвечающие требованиям социально-значимой деятельности, изменяющиеся под влиянием социального воспитания, соответствующие социальным нормам.

В рамках развития социальных отношений особо явно проявляются социальные способности в совокупности с культурой. Нельзя исключать одно из другого. Именно социокультурные качества играют важную роль в развитии человека как личности.

В процессе реального межличностного взаимодействия утрачивается социокультурная ценность, социальные способности не проявляются в полной мере. Идёт время упрощения общения. То, что мы могли бы иметь на самом деле, те грани социокультурного развития, которые открывали бы ещё большие социальные перспективы, остаются за рамками реального развития общества.

Использование личностью своих социальных способностей позволило бы ей, в первую очередь, обогатить своё социокультурное развитие, украсить культуру общения и, безусловно, возымело бы большое значение при социализации индивида.

Библиографический список

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (социокультурный словарь). – М., 1991.
2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. – Т.1. – Новосибирск, 1997.
4. Ерасов Б. С. Социальная культурология. – М., 1996.
5. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. – СПб. : Питер, 2011. – 701 с. : ил. – (Серия «Мастера психологии»).
6. Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. – М. : Институт философии РАН, 2000.
7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М. : Изд-во Политической литературы, 1992.
8. Шадриков В. Д. Введение в психологию: способности человека. – М. : Логос, 2002. – 160 с.

К ПРОБЛЕМЕ ТЕАТРАЛЬНОСТИ И ОДИНОЧЕСТВА В САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРЕ

Р. Р. Тазетдинова

Казанский государственный университет культуры
и искусства, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Summary. The article investigates the remarkable aspects of the problems of identity card. The author has tried to justify the thesis of the presence of hermeneutical implications of self-identification in human culture through theatrical phenomena and loneliness.

Key words: identity; identity; symbol; theatricality; solitude; loneliness.

Сразу оговоримся, что речь пойдёт о самоидентификации индивида через «осознание» им «своего бытия» как некой «символичности» [7, с. 280] в неразделённой и желаемой действительности. Одиночество, как и театральность, имеет множество «ликов». Одиночеству противостоит общение, лик которого определяют игра и артистизм – феномены, по-своему раскрывающие таинственность человеческого бытия. В свою очередь игра и артистизм не существуют сами по себе, отдельно от человека, а замыкаясь, по М. Хайдеггеру, в феномене «себя-в-себе-самом-показывающее», формулируют то, что названо нами театральностью. Обращение философии к проблемам одиночества и театральности датировано лишь XX веком. По большому счёту, самоидентификация человека – осознанная или спонтанная – призвана разрешить проблему многоаспектного общения вне ограничения деловыми рамками, когда формальные отношения разбавляются неформальными. Но нас интересует проблема самоидентификации человека в философско-смысловом аспекте, а не в социологическом или психологическом. Поэтому оговоримся ещё раз, самоидентификация личности напрямую связана с проблемой её значимости как индивида и той опасности, которую представляет утрата ею чувства осмысленности бытия. Стремление к подсознательному измерению Я через «по ту сторону себя» другого не выдерживает равновесия и, теряя определённость и устойчивость, перестаёт соотноситься с иным (другим). Как видим, вопрос напрямую связан с проблемой отношения к себе, т. е. с идентичностью, относительно которой существует мнение о нахождении её в глубоком кризисе. Ряд авторов не исключают, что в современном обществе личность вообще проявляет себя через процесс индивидуализации и фрагментации, что приводит, в конечном счёте, к обособлению индивида от коллектива, к саморазрушению, к «потере смысла своего существования» [2, с. 193]. Если под самоидентификацией подразумевать отличие от всего иного, как достижение тождества самому себе, то, следуя за П. Рикером, мы обязаны констатировать состояние *идентичности* с помощью латинских *idem* – «не изменившийся» и

ipse – «тот же, а не другой» [4, с. 19]. Получается, что, с одной стороны, человек, уходя в себя, рвёт отношения с социумом, с другой – пытаясь скрыться от пустоты собственной идентичности, как правило, ищет возможность идентифицировать себя с некой общностью по интересам (этнической, религиозной, спортивной, сексуальной и т. п.). Но в том и парадокс, что подобная общность *не прибавляет* осмысленности жизни отдельному индивиду, ибо групповая идентичность также выхолащивается и значимые для неё символы оказываются на поверку простым семиотическим знаком, неким маркером, позволяющим отличить своего от чужого. Итак, мы получили смысловое пересечение категорий, с помощью которых прорисовываются понятия *самоидентификации*, собственно *смысла* и *некоего состояния* сосуществования первого и второго в условиях утраты человеком устойчивости и определённости различения с иным. Показательно, что порождение смысла, точнее, того нового смысла, который может устраивать/не устраивать человека в попытке реконструировать утерянную идентичность, скорее всего, связано с постоянными «переводами» с одного «внутреннего языка» на другой, с «переводами непереводаемого» [3]. Проясним окончательно смысл понятий в пространстве самоидентификации личности в культуре и обозначенное нами *некое состояние* сосуществования самоидентификации и смысла в ситуации утраты человеком устойчивости и определённости различения с иным.

Начнём с того, что укажем на своеобразие современного общения, вызванного взаимоисключающими обстоятельствами. С одной стороны, усложнение коммуникативных связей привело к разнообразию форм общения с Другим, за счёт чего личность пестует в себе какие-то новые стороны индивидуальности, с другой – противная сторона нивелируется до уровня её безличностного восприятия, когда ты сам и другой воспринимаются некими знаками, играющими социальную роль масками. Отметим, что в феноменологической онтологии фигура Другого играет центральную роль, поскольку с её помощью оказывается возможным рассмотреть структуру в «создании общей теории бытия» [5, с. 441], способной объяснить существование человеческой реальности. Разумеется, «Я» не конституирует существование фигуры Другого, а обнаруживает его как непреложный факт совместного с ним бытия. Однако, по мнению М. Хайдеггера, современный человек не способен внимать бытию, ибо в сфере техники и эстетической культуры «оглушён и ослеплён» [6, с. 258] потоком артефактов, в котором сознание оказывается в пустоте и одиночестве. Формируется ситуация, при которой личность, стремясь стать для других *символом* значимого Иного, вынуждена не просто обособляться из сообщества, но и презентировать то, что иначе являет себя через само сообщество, т. е. то, что значимо для этого коллектива. Таким образом, символ оказывается функ-

циональным, эксплицируясь понятием воплощения веры, как нечто, имеющее способность «замещать», «представлять» другое нечто на основании сродства, конвенции или случайного сходства. Стать символом, значит приобрести «определяющую жизнь функцию ... диктующую «модель поведения» [1, с. 341]. Но это только в идеале, т. к. смысл символа часто возвышен и даже трансцендентен, подчеркивающее образен в выражении. В свою очередь образность – исток театральности, проявляющейся в игре и артистизме. Следовательно, символизация театральна уже по определению. Тот факт, что символы становятся чисто конвенциональными, свидетельствует о том, что они теряют влияние на самоидентификацию личности, превращаясь в «пустую» идентичность. Вряд ли это хорошо, ибо от этого страдает самоидентификация, т. к. обособление индивида в сообществе опирается в первую очередь именно на символизацию. Итак, понятно, что и символ, и идентичность однопорядково выражены по отношению к отличению от Иного-Другого. Внешняя афферентация – это, помимо непосредственного восприятия внешних раздражителей, ещё и получение релевантной информации. Оценка витальной значимости образов доводится человеческой рефлексией до полагания пределов себе самим. Сам же процесс каждый раз представляет своеобразную попытку создать некую параллельную для себя реальность. Подобное воображение – есть игра, рефлексия, которая связана с символизацией иного; с отдалением, вычленением функции значимости этого образа как для Я, так и для Другого. А как же одиночество, которое Н. А. Бердяев счёл уместным назвать основной проблемой человеческой личности и философии человеческого существования? И прав ли Мартин Бубер, видя в одиночестве готовность человека к самосознанию собственного «Я»? Упоминая его герменевтику «Я», мы обращали внимание, что она выступает в трёх ипостасях: рефлексии посредством анализа, диалектикой самости и тождественности, а также диалектикой самости и инаковости [4, с. 32]. Век минувший своими глобальными потрясениями раскрыл человеку глаза на его бесприютное существование. М. Хайдеггер уже не строит никакого «дома», и одиночество человека мыслится им как благо, позволяющее его одиночке искать общения исключительно с самим собой. Личность у М. Бубера, как и у М. Хайдеггера – «бездомна среди бесконечного» и фатально одинока. В такой ситуации выход из тупика виделся в индивидуализме и коллективизме. Но, по мнению того же М. Бубера, – это ложная альтернатива и проблемы одиночества она не решала. Новое мировоззрение предложило взамен диалогическое существование человека с человеком, в так называемой сфере «Между», на которой встречались «Я» и «Ты». По Блез Паскалю, человек ищет спасения от одиночества в бегстве от себя в развлечения, которые в качестве разновидностей игры (структурный элемент театральности

сти – Р. Т.) становятся *прибежищем* от одиночества. Самоидентификация *такого* субъекта, оставаясь знаковой по форме, театральна по сути. Субъект как *действие* бегства в сферу «Между» – это попытка проشمыгнуть меж Сциллой и Харибдой, между двумя монстрами – крайностями рассыпания субъекта: одиночества (пустоты идентичности) и одиночества (разнообразия коллективизма).

Резюме. Самоидентификации индивида в культуре через осознание им «своего бытия» как некой «символичности», примечательна герменевтическими импликациями. В подобном ракурсе феномены театральности и одиночества, свидетельствуют о неприкаянности человека в бесконечном и неуютности наедине с мыслями о себе самом, доказывая одновременно зыбкость границы между личностью с утерянной идентичностью и группой.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Изд-во «Логос», 2002. – 390 с.
3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М. : Языки русской культуры, 1990. – 464 с.
4. Рикер П. Я-сам как другой. – М. : Изд-во гуманитар. литературы, 2008. – 416 с.
5. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. В.И. Колядко. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
6. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
7. Шеманов А. Ю. Самоидентификация человека в современной культуре // Теоретическая культурология. – М. : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга; РИК, 2005. – 624 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ СААДИ ШИРАЗИ

А. Г. Асаийеш

Национальная академия наук Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан

Summary. Saadi Shirazi is world renowned the creativity. We were drawn by its attention to the socially-psychological characteristic of the person. In particular, it is necessary to notice that in its products have found reflection such problems as meaning of the life, the concept of virtue, the emotional world of the person, the world of passions, force of a human word etc. Here is available a philosophical basis as there is a search of meaning of the life.

Key words: Saadi Shirazi; socially-psychological characteristic of the person; Iran.

Иран является одной из самых развитых стран Востока, его история богата событиями и яркими личностями. Иран подарил миру ряд выдающихся деятелей, таких как Хафиз, Насир Хосров, Санай Газнави, Фирдовси, Саади Ширази, Амир Хосров, Джемаледдин Руми, Хосу Гирмани, Омар Хайям, Удейд Зека, Ибн Ялит и др.

Среди поэтов значительное место занимает Саади Ширази, известный всему миру своим творчеством. Нас привлекло его внимание к социально-психологической характеристике личности. В частности, следует отметить, что в его произведениях нашли отражение такие проблемы, как смысл жизни, понятие добродетели, эмоциональный мир человека, мир страстей, сила человеческого слова и т. д. Здесь имеется философская основа, поскольку идёт поиск смысла жизни. С этой точки зрения творчество Ширази всегда имело общественный смысл, поскольку оно было рождено жизнью, отражало в себе реальные события и чаяния народа.

Величие подлинного творца заключается в том, что его творчество основывается на народном духе, духовной культуре, соответствует эстетическим и нравственным запросам исторического периода. Ширази ищет общечеловеческое содержание в самых обычных человеческих деяниях, мыслях, страданиях. В произведениях Ширази и других его современников основными проблемами были такие нравственные чувства, как гуманизм, уважение, любовь, ненависть к мракобесию и гнету. В них звучал призыв к полезным деяниям, воспитание здорового нравственного сознания и т. д. Помимо знаменитых поэм «Гюлюстан» и «Буситан» Саади написаны две книги арабских и персидских касыд, много газелей, рубай и стихотворений других жанров, которые также считаются шедеврами литературы на языке фарси и нашли своё достойное место в сокровищнице мировой литературы [3].

В его произведениях пропагандировался идеал человека, наделённого такими качествами, как достоинство, самоуважение, скромность, почитание старших и т. д.

Отметим актуальность исследуемых проблем, поскольку высоко нравственные человеческие качества не утратили своего значения и в современный период, сейчас мы это называем человеческим фактором. В этом смысле будет небезынтересным исследовать проблемы социально-психологических качеств личности в иранской художественной литературе, в том числе в творчестве С. Ширази. Типология личности носит исторический характер, и потому здесь можно найти соответствие людям, их личностным характеристикам современному автору периода.

К примеру, в произведении Ширази «Гюлюстан», равного которому в мире по строению, по удивительному сочетанию поэзии и прозы, по насыщенности назиданиями, умению поднять на небывалую высоту красоту человеческого разума – нет, можно встретить множество характеристик социально-психологических качеств человека. Его произведения в целом наполнены любовью к хорошим людям и ненавистью – к плохим. Он призывал людей воспитывать в себе такие качества, как скромность, высокую самооценку, искренность, умение быть справедливым и великодушным (в особенности это касалось правителей), забота о людях и т. д.

Вкладом Ширази в классическую литературу и историю психологии было то, что он умело раскрывал внутренний мир людей, их нравственные качества, обосновывал с психологической точки зрения их поведение и нравы. Он рассматривал личность человека в социально-психологическом аспекте, изучая внутреннюю эволюцию его чувств, роль в формировании его нравственных качеств таких факторов, как общественные условия, природная среда и семья.

Ширази изучает судьбу своих героев, их потребности и желания, их действия и взаимоотношения, их судьбу в целом. Его положительные герои верят в себя, в свои чистые помыслы и на этой основе всегда побеждают и идут вперёд. Концепция совершенной личности, нашедшая отражение в его произведениях, тесно связана с его философской проблематикой, с отношением к миру в целом.

Человек как существо социальное раскрывается в своей сущностной характеристике с точки зрения его социальной и природной природы. Рассматривается положение человека в мире, его отношение ко всему живому, к самому себе, пути достижения свободы, задачи на Земле и т. д. Ширази рассматривает человека как справедливого, умного, смелого, воинственного, поскольку именно эти качества делают его человеком. В своём произведении «Буситан» он всесторонне рассматривает различные стороны чело-

веческой личности. Единство сюжета и смысла в немалой степени обусловлено этой стороной произведения.

«Все племя Адамово – тело одно, /Из праха единого сотворено. /Коль тела одна только ранена часть, /То телу всему в трепетание впасть. /Над горем людским ты не плакал вовек, /Так скажут ли люди, что ты человек?»

Именно он в этих стихах впервые не только в поэзии на фарси, но и в мировой изящной словесности создал самый термин «гуманизм» – «адамийат» – «человечность». Причём в нём нет акцентов на эгоизм и самоценность личности, которые потом оказались включёнными в понимание гуманизма в европейском Ренессансе. Саади выразил мусульманское представление о единстве человечества, где Адамийат – обозначение всеобщего братства людей, сотворенных Аллахом [2].

Следует отметить, что в произведении «Буситан» социально-философская подоплёка личности раскрыта ещё шире. Здесь с высоким мастерством раскрыта «Я-концепция» личности; здесь проповедуются справедливость, искренность, доброта, мужество. Рассмотрены социально-психологические условия становления личности, в том числе формирования таких качеств, как нравственное сознание, справедливость, гуманизм. Он призывает правителей быть справедливыми в отношении к народу, великодушными, заботиться о простых людях. С помощью образов, созданных в данном и других произведениях, поэт призывает людей заботиться друг о друге, уважать страну и народ. Каждый человек, глава семьи, правитель должны заботиться о народе, знать его чаяния.

Тот, кто далёк от народа, схож с деревом без корней; такое дерево быстро высыхает. Большое значение придавал Ширази человеческим взаимоотношениям, знаниям, социальному опыту, умениям и навыкам, вере и убеждениям, национальному самосознанию, привязанности к народу, своим родным местам:

Страны правитель, о народе бедном думай,
Кто богом послан жить здесь, на Земле.
Коль от правителя народ забот не видит,
Не будет счастлив он и во дворце своём [1, с. 15].

Как уже отмечалось выше, Ширази в произведении «Буситан» направляет помыслы читателей на анализ человеческих мыслей и страстей. «Саади призывает правителей быть гуманными к своим подданным и следить, чтобы лучшие качества проявляли и люди из его окружения – чиновники, слуги и военачальники, иначе его великодушные и доброта принесут только вред» [3]. Спрятать чувства и мысли невозможно. Нельзя управлять страной на основе страха. Долгим будет правление в той стране, где есть взаимное уважение, искренность, справедливость.

Дела народные коль превратишь в хаос,
То лишь во сне ты в страну-сад войдёшь.
Порабощенье, гнёт, страна распалась,
Великие, не забывайте, как вам она досталась.
Нельзя глумиться над народом, шах!
Основа жизни он страны всей, шах!

Человек прочнее стали, но и нежнее цветка. Человек достигает того, к чему стремится, через труд, разум, доблесть и чистые помыслы. Ширази считает, что победить себя можно через искренность, справедливость, и, прежде всего, силой своего разума. «Умный получает грусть, глупый – плётку», «умный ищет мудрость, глупый – товар», «сила побеждает всё, разум – силу», «достоинство происходит от разума, а не от предков» – эти и другие крылатые выражения до сих пор бытуют среди народов Востока, где до сих пор живут идеи великого поэта.

Библиографический список

1. Ширази С. Гюлюстан. – Баку : Азернешр, 1987, – 282 с. (на азерб. языке).
2. Читаю Саади Ширази и учусь у него. URL: <http://forum.aztop.com/index.php?showtopic=21128>
3. Саади Ширази. URL: <http://www.tebyan.net/index.aspx>

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ КАК ОБОРОТНАЯ СТОРОНА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

М. М. Юльякшин

Уфимский автотранспортный колледж,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

Summary. In given article dehumanization process as the back of scientific and technical progress is described. The conclusion becomes that antiscentism in the given form looks as negative reaction of the person to threat of suppression of its individuality.

Key words: antiscentism; dehumanization; scientific and technical progress.

Одной из самых распространённых форм современного антисциентизма является антропологический антисциентизм. Его сторонники отмечают всё возрастающую подчинённость отдельного индивида достижениям техники, углубление нравственного кризиса в обстановке технической урбанизации. Научные знания как инструмент завоевания власти над окружающей средой выступают и средством для господства над самим человеком в виде манипулирования, управления, деструкции. Критическая оценка техницистского оптимизма часто воссоздаётся в литературных творениях совре-

менных авторов, в частности в художественных антиутопиях, которые рассматриваются как предупреждение всему человечеству. В них описывается практика складывания технократической системы, в которой совершенные наука и техника угнетают индивидуальность и независимость человека: например в романе Е. Замятина «Мы», А. Кестлера «Мрак в полдень», Л. Мэмфорда «Миф о машине», а также в работах Дж. Оруэлла «1984 год» и О. Хаксли «О дивный новый мир». В них остро показаны драматические образы «техногенных государств» будущего, где люди находятся в состоянии «технологического рабства», совершается тотальное насилие над природой и личностью человека.

По мнению В. А. Кутырева, истинный смысл рациональность получает с развитием информационных технологий и использованием компьютерной техники. Они не изменяют окружающий мир, изменяя его внешний вид и структуру, а формируют новейшие создания «новой природы». Окружающий человека мир превращается таким образом в искусственный, в соответствии с этим изменяется и внутреннее существование человека. По его мнению, «идеологическим результатом поражения людей во взаимодействии с техникой стало начавшееся теоретическое развенчание гуманизма, личности. Акцентируется ограниченность, "небеспредельность" человека, выдвигаются проекты его физического усовершенствования. Если в начале своего развития эргономика была озабочена приспособлением техники к человеку, то теперь вектор внимания поворачивается в противоположном направлении, вплоть до намерений прибегнуть к услугам геной инженерии» [2, с. 63].

На этом, в частности, настаивают идеологи трансгуманизма, что ещё более подогревает антисциентистские настроения в современном мире. Трансгуманизм – это научно ориентированное мировоззрение, согласно которому современный человек не является вершиной эволюции, но, скорее – началом эволюции вида “*Homo sapiens*”. Появление трансгуманизма подготовлено всем ходом научно-технического и культурного прогресса и открывает перспективы удовлетворения самых сокровенных, самых глубинных желаний человека. Трансгуманисты считают, что благодаря ускоряющемуся научно-техническому прогрессу мы выходим на совершенно новый этап в развитии человечества. В ближайшем будущем мы столкнемся с возможностью настоящего искусственного разума. Несомненным предшественником современного трансгуманизма является философия русского космизма (Н. Ф. Фёдоров, В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский). В современной научной фантастике довольно популярна тема расширения возможностей человека средствами науки. Некоторые представители трансгуманизма полагают, что постоянно убыстряющийся научный прогресс ещё в ближайшем будущем сделает возможным создание постчеловека, чьи возмож-

ности будут полностью отличаться от возможностей современного человека. Этому будут способствовать открытия в геной инженерии, нанотехнологиях и других передовых направлениях современной науки. Как пишет Ф. Фукуяма, «постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархичным и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие “общечеловеческого”, потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек. Мы не обязаны считать себя рабами неизбежного технологического прогресса, если этот прогресс не служит человеческим целям» [3, с. 308].

Критика данного течения общественной мысли идёт с двух направлений: «практического» – выступления против намеченных задач и целей, поставленных трансгуманистами; «этического» – неприятие моральных позиций тех, кто придерживается данного течения.

В XIX веке М. Шелли создала образ Франкенштейна, искусственного чудовища, восставшего против создавших его людей. С тех пор этот неомифологический образ не покидает страниц печати, кинолент и экранов телевизоров. Он стал нарицательным для подогрева технофобии во всех её формах. Поэтому в современной массовой культуре столь большое место занимает тема «восстания машин», и неудивителен тот резонанс, который был вызван в 1997 году тогда ещё первым проигрышем чемпиона мира по шахматам Г. Каспарова японскому суперкомпьютеру. «Технология, – пишет японский философ Т. Имамичи, – подобно природе, стала нашей новой средой обитания, имеющей свои собственные цели, которые независимы от человеческих, поскольку технология, как среда, как бытийственная тональность машинных образований, сама определяет своё направление развития» [1, с. 79].

Анализируя негативное влияние научно-технического развития на некоторые аспекты общественного бытия, представители антисциентизма проявляют особый интерес к процессу уничтожения индивидуальных различий между людьми. Так как в сегодняшнем мире в промышленном производстве основополагающую роль выполняют сложные технические аппараты, индивид зачастую просто превращается в их механическое «приложение». Возросшие возможности потребления товаров и услуг сами по себе не дают человеку чувства осмысленности существования. Человек оказался вовлечён в игру политических, идеологических, экономических действий, в которой он служит лишь средством достижения каких-то дегуманизированных целей. В начале прошлого века рационалистически ориентированные социологи верили, что новая техника углубит и расширит человеческое общение, механизмы демократии. Теперь же, приглядываясь к политической жизни, многие филосо-

фы пишут об угрозе тоталитаризма, об опасности массовых психозов и непредвиденных страхов, чреватых весьма пагубными последствиями для всего человечества. Переход ведущих западных стран к постиндустриальной стадии техногенного развития и формирование адекватных ей культурных универсалий сопровождалось и массовым осознанием масштабов культурных потерь, уплаченных в качестве своеобразной "цены прогресса".

Антисциентизм в данной форме выглядит как отрицательная реакция человека на существующую угрозу подавления его индивидуальности этатистскими ценностями технократического общества.

Библиографический список

1. Имамичи Т. Моральный кризис и метатехнические проблемы // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – 72–83 с.
2. Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. – М. : Прогресс-Традиция, 2001.
3. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М. : ООО "Издательство АСТ"; ОАО "ЛЮКС", 2004. – С. 308.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРОЦЕСС ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОЦЕНИВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Д. В. Иноземцев
Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, Россия

Summary. The paper describes factors that can influence people`s estimation process. This factors are cognitive, affective and motivational personal characteristics. The most important among cognitive factors are intelligence and personal characteristics.

Key words: cognitive factors; evaluation; estimation process.

К факторам, влияющим на процесс оценивания, могут относиться те, которые влияют на отношение к объекту и определённым образом влияют его восприятие [1; 6]. Рассматривая факторы, влияющие на оценку, следует отметить, что во многом оценка зависит от того, насколько верно был сформирован образ объекта в сознании человека [2].

Соотношение образа и объекта зависит, по крайней мере, от трёх групп факторов: свойств объектов, условий восприятия и индивидуальных особенностей субъекта [5].

По отношению к субъекту эти три вида можно сгруппировать в две категории: 1) внешние: а) контекст ситуации оценивания, б) характеристики предмета оценивания (когнитивно сложного человека

сложнее оценить, чем простого); 2) внутренние: а) когнитивные факторы, искажающие оценки и б) мотивационные факторы, искажающие оценки.

Такая характерная черта, как селективность восприятия, здесь проявляется своеобразно, поскольку в процесс селекции включается значимость целей познающего субъекта, его прошлый опыт и т. д. [1; 6]. Тот факт, что новые впечатления об объекте восприятия категоризируются на основе сходства с прежними впечатлениями, даёт основание для стереотипизации [1; 4]. Представления о другом человеке тесно связаны с уровнем самосознания субъекта восприятия [7].

При построении стратегии взаимодействия каждому приходится принимать в расчёт не только потребности другого, но и то, как этот другой понимает ваши потребности, мотивы, установки. Следовательно, анализ осознания себя через другого включает два способа – идентификацию и рефлексивность [1]. К данному перечню можно также добавить факторы, выделенные В. А. Ганzenом – сенсорно-перцептивная тренированность, а также способности к анализу и синтезу [3].

Таким образом, нами выделены следующие личностные и интеллектуальные факторы, способные повлиять на точность оценивания: уровень самосознания и саморефлексии, темперамент, избирательность восприятия, сенсорно-перцептивная тренированность, аналитико-синтетические способности.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Психология социального познания : учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 288 с.
2. Батурин Н. А. Оценочная функция психики. – М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 1997. – 306 с.
3. Ганзен В. А. Восприятие целостных объектов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. – 153 с.
4. Гулевич О. А., Безменова И. К. Атрибуция: общее представление, направление исследований, ошибки. – М. : Российское психологическое общество, 1998. – 112 с.
5. Жуков Ю. М. Проблемы измерения точности межличностного восприятия // Вестник МГУ. – Сер. Психология. – 1978. – № 1. – С. 26–34.
6. Матюшкин В.С. Влияние типа личности на категоризацию в межличностном познании. – М. : Наука, 2000. – 162 с.

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ

Ю. А. Орлова, О. В. Чечулина

Казанская государственная медицинская академия
Федерального агентства по здравоохранению
и социальному развитию, г. Казань,
Республика Татарстан, Россия

Summary. The article is devoted one of issues of the day of present tense to the reproductive health. In the article talked about prevalence of gynaecological pathology among adolescent girls .

Key words: adolescence; reproductive health; gynaecological pathology.

В начале третьего тысячелетия Россия столкнулась с серьёзными проблемами, связанными с тем, что численность населения России неуклонно уменьшается. По данным федеральной службы государственной статистики, в настоящее время в Российской Федерации проживает 21,6 млн детей, в их числе 15,9 млн девочек в возрасте от 0 до 18 лет. Доля девочек 10–15 лет, которых можно рассматривать в качестве ближайшего и наиболее реального резерва воспроизводства населения страны, в структуре женского населения – 9,2 % [2; 5].

Обеспечение и сохранение здоровья подростков, несомненно, самый важный и перспективный вклад в репродуктивный, интеллектуальный, экономический, политический и нравственный резерв общества.

В подростковом периоде возникают многие медицинские проблемы. Они связаны с физиологическими и психологическими особенностями организма на этом этапе развития. Наиболее значимые из них следующие: процессы роста и формирования телосложения по женскому или мужскому типу; развитие и становление вторичных половых признаков; проявление сексуальной активности; появление выраженной психологической зависимости от сверстников; возникновение хронических заболеваний; возможность появления болезней, обусловленных сексуальным поведением.

Время полового созревания исследователи называют критическим периодом постнатального развития женского организма. Анализ результатов обследования, проведённых Научным центром охраны здоровья детей и подростков Российской Академии медицинских наук (НЦОЗДиП РАМН) показал, что заболеваемость девочек-школьниц выше, чем у мальчиков, на протяжении всего периода обучения в школе.

Фундамент здоровья женщин детородного возраста, т. е. матерей или потенциальных матерей, закладывается с первых дней жизни. Именно с детства начинается становление общесоматиче-

ского здоровья женщин, берут своё начало многие органические, и тем более функциональные заболевания женских половых органов, закладывается фундамент полового и физического развития.

Данные многочисленных исследований показали, что к 16–17 годам, когда в целом завершается формирование девочки как будущей матери и они вступают в репродуктивный период, практически у каждой десятой наблюдается дисгармональное развитие, у каждой четвёртой – нарушение формирования скелета, у 14 % – артериальная гипертензия. Изменения в состоянии здоровья более чем у 30 % девушек позволяет отнести их к 3-й группе здоровья (хронические болезненные состояния) [6].

Особое внимание заслуживает высокая распространённость среди подростков гинекологической заболеваемости.

В работе многих исследователей показано увеличение по возрасту показателей гинекологической заболеваемости более чем в 2,5 раза со 116,2 % в 14 лет до 297 % в 17 лет [2; 3; 4]. В структуре гинекологической заболеваемости у девочек-подростков основное место занимают воспалительные процессы половых органов (52,0 %) и нарушения менструального цикла (41,0 %), 6 % составляют опухоли и опухолевидные образования и 1,0 % – пороки развития половых органов. У девушек, особенно с ранним сексуальным дебютом, преобладают воспалительные процессы половых органов. Кроме того, среди нарушений репродуктивной системы у девушек пубертатного возраста одно из ведущих мест занимают расстройства менструального цикла [7]. Другой часто встречающейся гинекологической проблемой подростков являются маточные кровотечения пубертатного периода. Этиологические факторы, способствующие возникновению маточных кровотечений, чрезвычайно разнообразны. Чаще других, как наиболее вероятные причины маточных кровотечений, в работах последних лет называются психологический стресс (острые и хронические психотравмирующие факторы), стрессовые ситуации в семье и школе, повышенные тренировочные нагрузки и сознательные ограничения приёма пищи с целью снижения массы тела, экологическое неблагополучие [1].

Следует отметить, что если у девочек дошкольного и раннего школьного возраста наибольшее число обращений к детскому гинекологу обусловлено воспалением нижних половых путей (35–70 %), то у старшеклассниц в структуре гинекологических заболеваний преобладают нарушения менструального цикла (20–54 %) с потерей трудоспособности по типу резко болезненных менструаций, сопровождаемых выраженными вегетативными реакциями, и маточных кровотечений. За последние 5 лет нарушения менструального цикла у девочек и девушек-подростков возросли в 1,5 и 1,7 раза соответственно. Частота воспалительных заболеваний половых органов у девочек увеличилась в 1,2 раза.

Доля абсолютно здоровых девочек за последние 20 лет снизилась с 28,3 до 6,3 % [4]. В последние 5 лет, по данным статистики Министерства здравоохранения РФ, общая заболеваемость детей до 14 лет в целом по России увеличилась на 21,6 %, а подростков 15–17 лет – на 24,1 %. Негативные тенденции относятся практически ко всем классам болезней. Оказалось, что 65–70 % девочек-подростков имеют различные хронические соматические заболевания. При этом у каждого подростка до 14 лет диагностируется в среднем 2–3 хронические болезни, а в возрасте 15–18 лет – 4–5 заболеваний.

Принимая во внимание высокую степень заболеваемости среди подростков (15–17 лет) можно сказать, что существующая система медицинской помощи детям подросткового возраста не обеспечивает необходимого уровня профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, что во многом связано с организационной структурой медицинского обеспечения детей подросткового возраста.

На репродуктивное здоровье влияет ряд факторов, к которым относятся соматическое здоровье, образ жизни человека и его репродуктивное поведение, стресс, экология, экономические и социальные проблемы. Для улучшения здоровья подростков необходима хорошо организованная и целенаправленная работа, при этом она должна проводиться не только специалистами органов здравоохранения, но и всеми государственными структурами, занимающимися обучением, воспитанием и оздоровлением подростков.

Библиографический список

1. Куинджи И. М., Коломейцев М. Г. Особенности становления менструального цикла у девушек-школьниц и студенток как основа их репродуктивного благополучия // Репродуктивное здоровье детей и подростков. – 2008. – № 3. – С. 81–89.
2. Кучма В.Р. Гигиена детей и подростков. – М. : Медицина, 2004. – С. 383.
3. Онищенко Г. Г., Баранов А. А., Кучма В. Р. Безопасное будущее детей России: научно-методические основы подготовки плана действий в области окружающей среды. – М. : НЦЗД, 2004. – С. 154.
4. Стрижаков А. Н., Давыдов А.И., Белоцерковцева Л.Д. Трансвагинальная эхография. Атлас. – М., 2001. – С. 154.
5. Уварова Е. В. Репродуктивное здоровье девочек России в начале XXI века // Акушерство и гинекология. – 2006. – Прил. – С. 27–30.
6. Уварова Е. В., Гайнова И. Г. Дифференцированный подход к диагностике и лечению дисменореи у девушек // Гинекология. – 2003. – Т. 5. – № 4. – С. 151–15.
7. Hormone replacement therapy and the cardiovascular system 2005 update / Ed. M.E. Mendelsohn et al // Human Reproduction 12 th World Congress. – 2005. – P. 102–104.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОТЕКАНИЯ КРИЗИСА СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА У МУЖЧИН И ИХ РОЛЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Е. В. Козырева, А. А. Гросс

Государственное казенное учреждение детский дом-интернат
для умственно отсталых детей № 7, г. Москва, Россия
Заочный университет, г. Хаген, Германия

Summary. There are results obtained by the McCracken Grant long interview method. 30 men in age between 30–45 were interviewed. Whose own impressions about duration, reasons and consequences about the midlife crisis were analysed. Important information for prediction, treatment and understanding of this phenomenon were received.

Key words: gender roles; midlife crisis; features of man's meaning

*Нашим мужчинам – отцам,
сыновьям, братьям, преподавателям
и коллегам с попыткой понимания посвящаем.*

Современная психология делит человеческую жизнь на периоды, у каждого из которых есть свои задачи и особенности. Периодизации немного отличаются друг от друга, но все они солидарны в том, что зрелость – центральный этап в жизни человека. К нему относится период биологического возраста между 30–35 и 65 годами, а западный исследователь Эрик Эриксон переносит его верхнюю границу на 25 лет. Как правило, на этот период приходится профессиональная реализация, расцвет чувственности и воспитание детей. Согласно возрастной периодизации кризис среднего возраста относится к периоду зрелости – самому значительному, ключевому и длительному периоду в жизни человека [1].

Кризис среднего возраста – это долговременное подавленное эмоциональное состояние, связанное с осознанием воображаемых или действительно упущенных возможностей и мыслью о неизбежном наступлении старости, которое часто сопровождается переоценкой ценностей. Человек в это время находится перед необходимостью соотнесения своих замыслов с оставшейся частью жизни. При этом приходит понимание того, что время на осуществление задуманного ограничено. Половина жизни прожита, начинается подведение итогов: оценка и анализ прошедших лет, доволен ли, успел ли сделать, то, что хотел?

Мужчины и женщины одинаково подвержены вероятности тяжело и долго разрешать этот кризис. Физиологические особенности, связанные с длительностью репродуктивного периода, влияют на восприятие ситуации ими по-разному. На наш взгляд, опасения и сожаления о том, что способность к деторождению будет угасать, у

женщин уравниваются тем, что мужчины меньше склонны обсуждать свою эмоциональную жизнь с другими. Мы решили посвятить нашу работу субъективному взгляду на этот период мужчин, переживающих кризис, и их собственным словам. Этому есть несколько причин: а) мужчины менее охотно, чем женщины, говорят о своих проблемах и тяжелее соглашаются на контакт с исследователем в научных целях, а не с целью получения консультации; б) образ «настоящего мужчины – способного решить свои проблемы» – всё ещё сильно закреплён в общественном сознании.

Цель нашей работы – попытаться найти пути более глубокого понимания между людьми как в семейной, так и в повседневной жизни, попробовать научиться более внимательно относиться друг к другу в профессиональной деятельности и неформальном общении, используя знания о реалиях среднего возраста и возможного возникновения кризиса. Это позволит, мы надеемся, более терпимо относиться к грубым эмоциональным реакциям других людей, избегать ненужных подозрений в общении и повысить эффективность и толерантность разных возрастных групп друг к другу, в том числе, сгладить так называемый «конфликт отцов и детей».

На основе метода длинного интервью Мак-Крэкена Гранта [2] были опрошены 30 мужчин в возрасте от 30 до 45 лет. Их попросили рассказать о своей жизни и о том, как они справляются с проблемами. Большая часть из них женаты, или состоят в постоянной связи – гражданском браке, есть несколько разведённых и один холостой. Для того чтобы дать высказать им субъективные переживания и мнения, вопросы были открытыми и наводящими. В то же время, респонденты знали о цели нашего исследования, что, возможно, повлияло на то, что их ответы могли быть окрашены мотивом выглядеть социально желательно. Положительная сторона данного подхода в том, что респонденты отвечали сознательно и хотели разобраться в себе и поделиться своим опытом с другими. Разумеется, условие полной анонимности было сохранено.

Общий спектр проблем, с которыми сталкиваются мужчины, по их словам, в этом кризисе можно свести к трём группам:

1. Отношения в семье. Часто люди, переживающие кризис среднего возраста, имеют детей подросткового возраста, которые тоже стоят перед трудными проблемами самоопределения и поиском понимания своего места в жизни. По словам мужчин, к ним предъявляются требования соответствовать модели добытчика и победителя. В то время как ответственность за плохую успеваемость возлагает на них и требования «наказания», что ещё больше отчуждает их от собственных детей. Во-первых, потому, что матери делают детей орудием сведения счётов с супругами, во-вторых, наказывая детей, отцы понимают, что это не будет создавать тёплого климата отношений. Опереться на супругу в своих сомнениях в жизни

часто невозможно, потому что упреки, что мужчина – «тряпка», усложняют ситуацию. О мотивации к внебрачным связям мужчины говорили, что им не хватает душевного тепла. Парадоксальным образом, если они предпочитали любовниц моложе, то часто не потому, что они более привлекательно выглядят, а потому, что женщины- ровесницы, возможно, тоже переживающие кризис, скептически относились к перспективе создать новую семью с человеком, который изменяет своей настоящей жене. Свободные женщины проявляли меньшую заинтересованность в отношениях, чем их молодые соперницы.

В период кризиса среднего возраста мужчины часто переживают потребность вернуть молодость, начать всё сначала, проверить, не упустили ли чего. В этот момент мужчина ищет внебрачные связи на стороне, чтобы тем самым показать себе, что он «ещё что-то может». Таким образом, эти связи не всегда мотивированы неуважением к жене или неудовлетворённостью ей. В глазах обманутой жены и изменившего супруга часто внебрачная связь имеет разную цену. В подавляющем большинстве жёны склонны упрекать себя, подозревать мужей и считают измену непоправимым и бесповоротным ударом для отношений. В то время как мужчины в большинстве говорили о том, что любят жену, и не хотели бы, чтобы она знала о любовнице, потому что они, скорее всего, всё равно вернулись бы в семью, и часто после короткого периода внебрачной связи вообще больше не думают и не вспоминают о ней. Молодые любовницы привлекали часто мужчин, переживающих кризис среднего возраста, тем, что они не знали о существовании проблем, с которыми сталкиваются мужчины. Поэтому при общении с молодыми подругами для самих мужчин «это как бы переставало существовать». В этом проявляется стратегия избегания.

2. Профессиональная деятельность. Возрастной ценз при устройстве на работу, с одной стороны, и давление социальных представлений в обществе о том, что недостаточно зарабатывающий мужчина «неудачник», не способный обеспечить семью, с другой стороны, создают сложную ситуацию эмоциональной напряжённости. В то же время человек, погружённый в переосмысление своей жизни, раним и находится на перекрёстке требований со стороны жены «которая упрекает его в том, что он летает в облаках» и реальным страхом потерять место, потому что придут более молодые и сильные.

Проблема власти часто возникает и в семье, где жена или спутница жизни считает должным опекать и наставлять на путь истинный с оттенком пренебрежения. Это показывает мужчине, что он больше «не хозяин положения», он не уважаем. Мужчина начинает искать авторитет на стороне, что приносит обратный эффект. Мы ни в коем случае не хотим представить ситуацию однозначно, а

только обратить внимание на то, что интерпретация поступков мужчин может быть не настолько очевидной. Несмотря на логику, многие вещи скрыты гораздо глубже. Ситуация осложняется тем, что женщина в случае неприятностей, получает большую социальную поддержку родственников и соседей, хотя часто и не очень альтруистичную. Имеет место лицемерие и злорадство, что она «вынесла сор из избы», желание научиться на чужих ошибках. Это вызывает у мужчины протест, «что он бьётся как рыба об лёд», зарабатывая деньги, а до его проблем «нет дела». Этот грустный момент, на наш взгляд, одинаково горький для обеих сторон. Мужчина начинает делать назло, что ещё больше усугубляет положение. Тем более что эти выходки, по словам мужчин, часто имеют целью не возврат власти, а привлечение внимания к своим эмоциональным проблемам. На это следуют упрёки, что он «ведёт себя как ребенок». Высказывания сотрудников, которые требуют, чтобы он «взял себя в руки», часто ведут к употреблению и злоупотреблению алкоголем.

Но необходимо отметить, что всё-таки проблемы с работой дают о себе знать и в семье, где происходит разлад. На вопрос: «Сколько Вы искали работу?» – был получен ответ: «в течение двух месяцев мытарств я просто перестал что-то искать». Если мужчина не может финансово обеспечивать семью, как же «сильный пол» борется с данной ситуацией? Ответ: «Выпить и забыть все проблемы».

В тоже время особенностью протекания кризиса среднего возраста у мужчин, имеющих сыновей, характеризуется страхом конкуренции и несоответствия мужественной модели в их глазах. Мальчики же, которые в этот период уже почти взрослые, пытаются отстоять себя и начинают грубить. Так потребность сыновей в самоутверждении и самостоятельности, с одной стороны, и желание нежности и неуверенность отцов, с другой стороны, очень тяжелы.

3. Жажда острых и новых ощущений. У некоторых мужчин появляется желание «наверстать упущенное», осознание ограниченности времени жизни провоцирует необдуманные поступки, хотя и угрызения совести тоже часто бывают существенными. Жажда новизны толкает на неожиданные знакомства. Например, некоторые отцы семейств рассказывали, что начинали общаться с женщинами, которых видели впервые в аэропорту или во время проведения мероприятия. Многие, даже никогда не склонные выпить люди, пробуют психотропные препараты, кроме того, чтобы привести в норму эмоциональное состояние, принимают антидепрессанты, алкоголь, чтобы расслабиться. Не последнюю роль играют азартные игры и игромания в интернете.

Особенности протекания кризиса среднего возраста у разведённых мужчин.

Бывает так, что у разведённых мужчин такого возраста возникает депрессия. Они считают, что «жизнь дала трещину» и возврата

назад уже нет, а будущее строить уже слишком поздно. Многие просто плывут по течению, им очень трудно объяснить, что ещё не всё потеряно. Они слушают, но не слышат. Как же им помочь в данной ситуации? Какие доводы можно привести, что бы достучаться до человека. В это время происходит "самоутверждение". С 43 лет и немного старше мужчина начинает жить по принципу «седина в голову, бес в ребро». Нередко так поступают и женатые мужчины. Со слов другого информанта выяснилось, что «депрессии нет, а есть так называемая "эйфория"». Человек успел сделать за свои 39 лет «много побед». Есть другое мнение: что именно в этом периоде жизни проявляются депрессивные состояния, проблемы с работой, употребление и злоупотребление алкоголем, проблемы в семье, иногда полная апатия. Но ни одна проблема в личной жизни или на работе не стоит того, чтобы разрушать из-за неё жизнь. Выход из любой сложившейся ситуации в том, что нужно пробовать реализовать все возможности, которые открываются перед человеком. Их всегда бывает достаточно.

Некоторые информанты (3 человека) отрицают наличие кризиса среднего возраста вообще и считают, что «кризис среднего возраста отсутствует как факт».

Рекомендации: решение проблемы заключается в том, чтобы научиться переключать своё внимание на позитивные вещи. Посмотреть на расставание с партнёром или другие потери так, как если бы прошло 20 лет. Это помогает понять, стоит ли бороться или это не так важно. В практике гештальт-терапии есть упражнение с «пустым стулом». Представляя своего собеседника недоступным для разговора по разным причинам в данный момент, человек может отпустить прошлые обиды, поговорив с ним так. После этого человек с облегчением начинает смотреть в настоящее и будущее. В поведении мужчин, переживающих кризис среднего возраста, проявляется много детского: так, ребёнок может быть хорошим, если он не причиняет хлопот. «Хороший ребёнок» может быть запуганным, не обладать собственной волей, иметь достойные интересы, но не угодные, однако, его родителям. Так же происходит и с мужчинами. При жизненных неудачах у них опускаются руки, они теряют цель в жизни. Каждый мужчина нуждается в похвале, особенно это в период психологического кризиса. Необходимо поощрение хороших поступков, ему необходимо чувство, что «он не заменим» и без него «нельзя прожить».

Протекание и предпосылки успешного разрешения: удовлетворение сделанным, осознание того, что всё в жизни сложилось наилучшим способом, активная социальная позиция, любовь, уважением коллег, помогают преодолевать этот тяжёлый период.

В будущем мы надеемся при помощи статистических методов и различных психологических тестов постараться выявить связь

между отдельными чертами личности и характерными проблемами, которые называли наши респонденты. В консультативных целях важно научиться прогнозировать опасности, стоящие перед отдельными группами мужчин, а также рассмотреть другие возрастные кризисы личности и их связь, с кризисом среднего возраста.

Благодарим ректора Гуманитарно-прогностического института в Москве Галину Александровну Наместникову за всестороннюю поддержку.

Библиографический список

1. Дарвиш О. Б. Возрастная психология : учеб. пос. для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В.Е. Клочко. – М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. – 264 с. : ил.
2. KERK JEROME, MILLER MARC L. (1986) Reliability and Validity in Qualitative Research. Sage University Paper Series on Qualitative Research Methods. – Vol. 1. Beverly Hills, CA: Sage.

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии
на базе НИЦ «Социосфера» в 2012 году**

5–6 марта 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях»** (К-9-3-12).

10–11 марта 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы современных политико-психологических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»** (К-10-3-12).

15–16 марта 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-11-3-12).

20–21 марта 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика»** (К-12-3-12).

25–26 марта 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»** (К-13-3-12).

1–2 апреля 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании»** (К-14-4-12).

5–6 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия»** (К-15-4-12).

10–11 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)»** (К-16-4-12).

15–16 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»** (К-17-4-12).

20–21 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-18-4-12).

25–26 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания: материалы международной научно-практической конференции»** (К-19-4-12).

5–6 мая 2012 г. III международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-20-5-12).

10–11 мая 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Безопасность личности: состояние и возможности обеспечения»** (К-21-5-12).

15–16 мая 2012 г. III международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-22-5-12).

25–26 мая 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-24-5-12).

1–2 июня 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-25-6-12).

3–4 июня 2012 г. международная научно-практическая конференция **«Текст. Произведение. Читатель»** (К-45-6-12).

5–6 июня 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-26-6-12).

10–11 сентября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-27-9-12)

15–16 сентября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-28-9-12)

20–21 сентября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-29-9-12)

1–2 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-31-10-12)

5–6 октября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-32-10-12)

10–11 октября 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Современная психология на перекрестке естественных и социальных наук: проблемы междисциплинарного синтеза»** (К-33-10-12)

15–16 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-34-10-12)

25–26 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-36-10-12)

1–2 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-37-11-12)

5–6 ноября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии»** (К-38-11-12)

10–11 ноября 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-39-11-12)

20–21 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-41-11-12)

25–26 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы»** (К-42-11-12)

1–2 декабря 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-43-12-12)

5–6 декабря 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-44-12-12)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь учителю
- В помощь преподавателю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, доцент (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза,

Россия), Голандам А. К., заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jssc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.ucoz.ru> в PDF-формате.

УДК 94(470)"17/18"

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, Республика Хакасия, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensky Institute of Economics and Law,
Semirechensk, Republic of Khakassia, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них пуб-

ликаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источникную базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. – URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki>. – Дата обращения: 20.04.2011.
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр. **Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.**

Расчетный счет для перечисления денег

Получатель: **ООО Научно-издательский центр «Социосфера»**
р/с № 4070281000000002313 в ФАКБ «Инвестторгбанк» (ОАО)
«Пензенский» г. Пенза
ОГРН 1095837003239
ИНН 5837042277
КПП 583701001
БИК 045655722
к/с 3010181090000000722 в ГРКЦ г. Пензы ГУ Банка России по Пензенской области
Платеж: **ФИО автора**

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosphaera@yandex.ru
Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.
Генеральный директор НИЦ «Социосфера» – Дорошина Илона Геннадьевна.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «Премииум» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210x297 мм). Поля: левое – 3 см остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает 16 экземпляров, подлежащих обязательной отсылке в Российскую книжную палату.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

С 2002 года Международный центр финансово-экономического развития при информационной поддержке Министерства образования РФ выпускает журналы для профессионалов в сфере образования. В 2006 году настоящие и будущие «образовательные» проекты объединились в МЦФЭР «Ресурсы образования».

Основной задачей Центра является методическая, информационная, правовая и консультационная поддержка работников российского образования. Издания помогают руководителям образовательных учреждений эффективно решать управленческие, организационные, административно-хозяйственные задачи, педагогам и воспитателям – планировать и организовывать работу с учащимися класса. В авторский коллектив журналов входят признанные эксперты, ведущие специалисты Минобрнауки РФ, Рособразования, Рособрнадзора, научные сотрудники отделов научно-исследовательских институтов, юристы, психологи, представители социальной службы.

Международный центр финансово-экономического развития Ресурсы образования представлен следующими ежемесячными журналами и дисками:

- Справочник руководителя образовательного учреждения;
- Справочник заместителя директора школы;
- Нормативные документы образовательного учреждения;
- Справочник классного руководителя;
- Управление начальной школой;
- Справочник руководителя дошкольного учреждения;
- Справочник старшего воспитателя дошкольного учреждения;
- Медицинское обслуживание и организация питания в ДОУ;
- Управление образовательным учреждением в вопросах и ответах;
- Шаблоны документов образовательного учреждения. Рыба-диск;
- Методическая поддержка старшего воспитателя. Рыба-диск;
- Методическая поддержка заместителя директора школы. Рыба-диск;
- Школьный калькулятор.

Подписку на данные издания можно оформить в отделениях связи по каталогам: «Роспечать», «Пресса России», «Почта России» или в редакции отделе адресной подписки:

тел. (495)937 90 82, факс (495)933-5262
E-mail: ap@mcfr.ru

Для помощи руководителей образовательных учреждений в поиске информационных ресурсов, необходимых при принятии эффективных управленческих решений, разработаны интернет-ресурсы: информационный центр «МЦФЭР Ресурсы образования» (www.resobr.ru) и федеральный портал «Менеджер образования» (www.menobr.ru).

«МЦФЭР Ресурсы образования» входит в состав ЗАО «МЦФЭР» – крупного российского издательства, выпускающего литературу для профессионалов в сфере бухгалтерского учета, налогообложения, права, менеджмента, управления персоналом, делопроизводства, образования, организации здравоохранения и фармации и некоторых других. Интеллектуальная продукция ЗАО

«МЦФЭР» пользуется высоким спросом во всех регионах России, а также в странах СНГ.

Информационный центр «МЦФЭР Ресурсы образования». Журналы и компакт-диски для школы и детского сада. Почтовый адрес: 129164, Москва, а/я 9; тел.: (495) 937-90-80 факс: (495) 937-90-85; E-mail: edu@mcfrr.ru

Первая экспертно-правовая on-line система для администрации ОУ!

В ноябре 2011 года Информационный центр «МЦФЭР Ресурсы образования» (www.resobr.ru), выпустил уникальный продукт – **Электронную систему «Образование»**.

Система призвана помочь руководителям школ и детских садов в решении управленческих задач! **Работать с ней очень просто:**

1. Вы вводите в поисковую строку задачу, которую вам необходимо решить.
2. Система выдает Вам подборку материалов, которые помогут решить поставленную задачу: **пошаговый алгоритм действий, шаблоны локальных актов, разъяснения экспертов и нормативные документы.**

В чём уникальность электронной системы «Образование»?

- ✓ В основе системы – **экспертные материалы**. Для решения профессиональной задачи, Вам не нужно разбираться в сложных нормативных документах – Вы получаете подробное разъяснение авторитетного эксперта.
- ✓ Система разработана **специально для администрации** образовательного учреждения в соответствии с текущими профессиональными задачами и функционалом руководителей.
- ✓ Система **«живая»** – ежедневно добавляются новые документы, актуализируются в соответствии с законом и старые материалы. Пользователи могут влиять на содержание системы, отправляя запросы на добавление темы, конкретного материала.

А также:

- Система содержит **исчерпывающую базу действующих нормативных документов**, регулирующих деятельность образовательного учреждения.
- Система снабжена **удобной системой поиска** (строка поиска, фильтры, тематический рубрикатор).

- Система разрабатывается при участии **ведущих экспертов отрасли** (специалистов органов управления образования, разработчиков нормативных документов, практиков).

Узнать подробнее о системе, а также получите бесплатный доступ к демоверсии Электронной системы «Образование» можно на сайте:

<http://sistema-edu.resobr.ru/>

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

ЖУРНАЛЫ

по психологии **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

ОНЛАЙН ПОДПИСКА ЭТО

- Удобно
- Выгодно
- Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГППУ**

Научно-издательский центр «Социосфера»
Витебский государственный медицинский университет
Пензенская государственная технологическая академия
Информационный центр «МЦФЭР Ресурсы образования»

**ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА, ЛИЧНОСТЬ.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО
ЗНАНИЯ**

Материалы II международной научно-практической
конференции 5–6 февраля 2012 года

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор Е. Ю. Данилина
Оригинал-макет И. Г. Балашовой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 13.02.2012. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 6,84 п. л.
Усл.-печ. л. 6,36 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 6/12.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-в. (8412) 21-68-14,
web site: <http://sociosphaera.ucoz.ru>,
e-mail: sociosphaera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09